

Ирина Муравская

Королева прайм-Тайм

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Муравская

Королева прайм-тайма

«Автор»

2026

Муравская И.

Королева прайм-тайма / И. Муравская — «Автор», 2026

Она — ведущая новостей. Богатая девочка из обеспеченной семьи.
Амбициозная и знающая, чего хочет. Он — из совсем другого мира. Живёт
по возможностям и имеет слишком много скелетов в шкафу. Разные миры,
разные судьбы, разное будущее. Но одна случайная встреча изменит всё. #
запретные отношения# богатая/бедный# герой добивается героиню# тронешь
её и ты труп# щепотка криминала

© Муравская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Кукла Барби с закосом на байкершу	8
Глава вторая. Машенька, ты там как?	14
Глава третья. «Мой Господин»	20
Глава четвёртая. Русская рулетка	26
Глава пятая. Первое задание	34
Глава шестая. Ход за тобой, неприступная королева	43
Глава седьмая. План «Б»	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ирина Муравская

Королева прайм-тайма

Небольшой дисклеймер:

Дорогие читатели! Всё, что творят герои этой истории – опасно для жизни и здоровья. Ни в коем случае не повторяйте этого дома ♥

Пролог

Чёрный тонированный внедорожник, будто сошедший с экранов из криминальных сериалов про бандитский Петербург, тормозит во дворе-колодце одного из многочисленных мудрёных домов, которыми так гордится Северная Столица.

Мешка на голову мне никто не нацеплял, и хоть в городе я ориентируюсь не особо, но прекрасно догадываюсь: куда и для чего меня привезли. От чего становится вдвойне не по себе.

Выходим из машины и заходим в обычный жилой подъезд, пикнувший от набранного кода. Сильно не ерепенюсь, однако под лопатки меня то и дело всё равно подпинывают, как бы намекая: пошевеливайся.

Пока поднимаемся пешком на последний этаж, ни один из моих попутчиков не пророняет ни слова. Молчу и я. Потому что мне... страшно.

Впервые за долгое время мне, блин, ПО-НАСТОЯЩЕМУ страшно.

Мимолётная мысль заорать и всполошить жильцов, вспышкой проносится в сознании, правда тут же с шипением гаснет.

— Ну чуди, голубка. Иначе знаешь, что будет, — лилейным голосом напоминает Барин. Увы, знаю.

Тяжело скрипит ключ в амбарном замке и, дыхнув спёртостью, открывается массивная дверь, ведущая на чердак. Если бы не фонарик у Грека, уже с порога можно было разбить голову об балки.

В тесном и воняющем плесенью помещении, заваленном раскисшими досками, настолько низкие потолки, что приходится пригибаться, неудобно пробираясь к шаткой металлической лестнице, ведущей к люку.

Сразу видно, данное место не предназначено для популярных экстрим-экскурсий. Тут не то, что посторонние, сюда вряд ли даже коммунальщики наведываются, потому что щели огромные — в сезон дождей наверняка нехило топит.

Грек чуть обгоняет меня, оттесняя к стене, и первым оказывается у люка, вскрывая второй замок. В наличии у своих палачей ключей не удивляюсь: эти ребята достанут что угодно и откуда угодно.

Брезгливо касаясь тонких ступеней, оставляющих ржавые следы на ладони и брюках, забираюсь вверх, где мне услужливо подают руку.

Боже, какая галантность. Можно в благодарность плюнуть ему в розгу? Нет? Жаль.

Выбираюсь на крышу ночного города, пытаюсь удержать баланс. Хорошо, что каблук широкие — какая-никакая, а устойчивость.

Как и все питерские крыши, здесь царит полная анархия геометрии, кладущая с пробормом на эстетику. Стальные пласты нахлобучены как попало и только так гуляют под рифлёной подошвой, в самый неподходящий момент уходя в резкие спуски.

Дальше ещё лучше: мне велят спуститься по покатой поверхности, замерев у единственного более-менее выходящего в горизонтальную плоскость кирпичного выступа.

Никаких ограждений, никакой страховки. Единственное, за что можно ухватиться, если вдруг координация подведёт — свисающие провода. Правда не уверена, что за них стоит хвататься. Сами они, конечно, в оплётке, а если оборвутся?

Тогда из меня получится пусть и очень симпатичный, но всё же средне прожаренный бифитекс. Хотя, наверное, это всё равно лучше, чем стать кляксой на асфальте.

— Символично, не находишь? — вздрагиваю от раздавшейся позади насмешки, как от пощёчины.

— О, да. Лучшего места для внепланового самоубийства не придумаешь. Такая романтика.

Стараюсь оставаться хладнокровной, да только болезненная пульсация слишком сдавливает виски. Сердце же и вовсе застряло поперёк глотки, мешая дышать.

— Ну почему же сразу самоубийства? Это как повезёт.

— Как повезло Ви?

— Её ангел-хранитель в тот момент был на перекуре. Надейся, что твой более ответственный, — цинизм Барина просто поражает. Долбанный социопат. Таких в психушку упекать надо. А лучшие расстреливать на месте. — Ты ведь знаешь, что нужно делать?

— Догадываюсь.

К сожалению.

— Супер, — в полумраке загораются дисплеи. Один — включает видео на запись, другой запускает таймер. — У тебя пять минут. Время пошло.

Глава первая. Кукла Барби с закосом на байкершу

POV СПИРИДОНОВ

За несколько недель до этого

Зажав тлеющую сигарету зубами, стою в центре трейлера, листая наш приватный чат. С названием сильно пацаны не заморачивались, обозвав его так же, как и пошло в разговорном: «Цикады».

— Отбитые, нахрен, уроды, — усмехаюсь, мельком пробегаясь по переписке между Барином и Тузом. Собственно, то же самое умозаключение им и отправляю, получая в ответ ржущий стикер.

— Кто? — из тесного совмещенного санузла вытекает длинноногая шатенка в одном полотенце. **Моём** полотенце, так на секундочку.

Зашибись. Не помню, чтоб разрешал хозяйничать в своём трейлере проходным девкам.

— Не твоё дело, — сухо отбрываю.

Не обижается. Ещё б обижалась, ей это не выгодно.

— Почему ты такой грубый? — вместо этого прилипает она пиявкой, укладывая руки мне на плечо и острым ногтем начинает обводить контуры тату, переходящие с тела на шею.

— Не устраивает? Ты знаешь, где дверь.

Раздутые губы обиженно сжимаются в куриную задницу, однако слова поперёк никто, опять же, не вякает. За терпелку можно смело поставить плюс. А вот за то, что берегов не видит — жирный минус.

Продолжаю мусолить фильтр, переписываясь с парнями, пока айфон висит на зарядке в кухонной зоне — единственном месте, где есть свободная розетка.

Домом на колёсах я обзавёлся в прошлом году, когда меня выперли из общаги за, хех, поножовщину, и пока ни разу не пожалел.

Почти ни разу.

Зимой, конечно, дубак стоял тот ещё, несмотря на обогреватель. Шерстяные носки со свитером и два верблюжьих одеяла еле спасали. А так коробка на колёсах полный фарш: газ, бойлер для нагревания, траходром два на два — что ещё надо для счастья?

Хочешь, тусовку зазывай; хочешь, оргии с децибелами устраивай — никто слова не пикнет. Соседей-то через стенку нет, а лоси вряд ли припрутся из леса устраивать разборки.

— Одевайся, — бросаю, с досадой дёргая плечом, чтобы стряхнуть помеху. Нашла вешалку. — Через десять минут выходим. Так и быть, довезу до универа.

— А вечером встретимся?

— Посмотрим.

— Если да, может, сходим куда-нибудь?

Здрасти, приехали.

— Ты ведь в курсе, что если мы разошлись, это ещё не значит, что мы встречаемся? — на всякий случай уточняю у...

Так, а как её зовут-то? Вроде когда я цеплял её на вечеринке по случаю начала нового семестра, она себя как-то обзывала, но хрен же теперь вспомню.

Марина?

Нет, более мудрёное. Мари... Марьяна, кажется.

Да. Точно!

— Да, но...

— Слушай, Марьяш. Давай ты не будешь всё портить? А ради новой встречи, какой бы то ни было, и вовсе придётся потрудиться. И ты знаешь, что для этого делать.

Всё. Включилась шлюшья натура.

— У нас ведь всего десять минут, — кокетливо напоминает она, играя узелком своего полотенца.

— Если усердно поработаешь ртом, так и быть, накину ещё столько же.

Повторного приглашения не требуется. Послушно опустившись на колени, проворные руки с энтузиазмом тянутся к завязкам на моих спортивных, принимаясь за работу.

— Тебе не кажется, что ты слишком много куришь?

Чего-чего? Я не ослышался?

— Малыш, ты меня прям расстраиваешь.

Марьяша виновато потупливает взгляд.

— Это вредно и опасно для здоровья.

— Жить тоже вредно и опасно для здоровья, так что ж мне теперь — пойти сдохнуть?

— Я же не...

Пресекаю её жестом, отстреливая окурочек через приоткрытое окно водительского.

— Топай давай. У тебя пары уже начались.

— Как и у тебя.

— С собой я как-нибудь разберусь, не переживай.

— Ладно... — уже берясь за ручку дверцы, та нерешительно замирает. — Так а что на счёт вечера? Встретимся?

— Если будешь нужна, я тебя найду.

Железный аргумент сложно чем-то перекрыть. Впрочем, она и не пытается: лишь согласно кивает и, наконец, сваливает из машины.

Треш.

Поражаюсь я порой девчонкам и их способности втапывать собственную гордость в грязь. Пусть даже и ради личных целей. Правда что-то мне подсказывает, что Марьяша в принципе из тех, кто любит повесить на себя ярлык жертвы и театрально страдать.

Снова лезу в телефон, набирая Барину очередное любовное послание:

«Вроде как нашёл нового игрока.

Правда не думаю, что она потянет.

Слишком нежная»

«Значит быстро сольётся, а нам таких не надо.

С ними скучно. Найди ещё парочку.

Выберем самого перспективного», — приходит почти сразу.

Парочку? Пф-ф, да хоть дюжину, это не проблема. Вот только займусь этим уже не сегодня. Ночка, благодаря Марьяше, выдалась бессонной, и всё, что я сейчас хочу — вернуться обратно в свою коробочку и продрыхнуть до вечера.

Препоод по античному искусству, естественно, будет лютовать за прогулы, но, откровенно говоря, насрать. За учёбу я теперь плачу, и немало, так что хрена лысого меня кто-то попросит. И зачёты все проставят, как миленькие.

Короче, не унюхав ни грамма желания к самопросветлению, посылаю всё к чёрту, сдавая задом с университетской парковки... И получаю громкий *бамц* по заднему бамперу.

Чтоб тебя!

— Эй, дура! — вылетаю из джипа, готовый разорвать въехавшую в меня блондинку, сидящую в тёмно-красной Ламборджини. — На тачку насосала, а на права не успела? Как можно было на ровном месте долбануться?

— Сам по сторонам смотри, слепошарый, — лопаю надутый пузырь жвачки, отвешивает та мне средний палец и, как ни в чём не бывало, проезжает дальше.

Охреневши наблюдаю за тем, как тачка проезжает ещё метров триста и ловко паркуется в ограниченном пространстве заставленных тачек.

Э-э...

То есть, по прямой ехать мы не умеем, а тут раз-раз и готово? Это вообще, мать вашу, как?

Гаснут фары и из салона появляется плод любви куклы Барби и прибуханного байкера. Натурально. Косуха с металлическими пластинами, кожаные брюки, высоченная танкетка и... розовая повязка на башке.

РОЗОВАЯ! С БАНТИКОМ!

Блондинка ставит машину на сигналку и, перекинув маленький кожаный рюкзак за спину, спокойно сваливает к главному входу в универ, придерживая картонную подставку с кофе навынос.

Эй, я что-то не вкуриваю: а за раздолбанный бампер кто теперь отрабатывать будет? Марьяша? Ну уж нет, куколка. Мы с тобой ещё не закончили.

Загоняю побитый джип обратно на парковочное место и без особого энтузиазма тащусь в цитадель грёбанных знаний. Хотел перехватить шизанутую блондинку в холле, да только той и след простыл. Значит, она уже в одной из аудиторий. Вот только какой?

Всплывает запоздалое озарение — а я ведь сто пудово видел её на той единственной лекции, до которой дошёл в первых числах. Приезжал бумажки доподписывать и решил заскочить, поздороваться.

Долго тогда, конечно, не просидел, но голову на отсечение даю — она точно присутствовала на паре. Получается, мы с ней на одном курсе?

Что ж, это заметно упрощает поиск.

— О, Спиридонов, — молодой препод встречает меня ядовитой усмешкой. — Хоть и на третьей неделе, но всё же решил порадовать нас своим присутствием?

— Вроде того.

— И опоздал.

— Ну и что? Пришёл же, — резонно замечаю.

— Спасибо и на этом.

— Всегда пожалуйста. Мне несложно, — мельком скольжу по головам студентов и понимаю, что того, кто мне нужен тут нет. Чёрт. Неужели ошибся? — Пройти-то можно или работаем по старой схеме?

«Старая схема» — это пинок под зад обратно в коридор в назидание остальным, и попытка завалить меня на сессии. Почти удавшаяся. Из-за чего, собственно, с бюджетки и пришлось переходить в платники.

— А стоит ли, если... — не договаривает тот, потому что на пороге, рядом со мной, вырастает... Да-да, она самая.

И где тебя носило, куколка?

— Ой, тут очередь? Кто крайний? — хлопая намалёванными ресницами, старательно делает она вид, что не узнаёт меня.

— Ещё один опоздун, — вздыхает препод, поправляя очки. — Ребят, у вас проблемы с будильником?

— Хуже, — отзывается блондинка. — У меня проблема с подъёмом. Плюс фен сломался.

— И очередь в кофейне, наверняка, ещё была, — красноречиво кивает он на картонные стаканчики, что всё ещё при ней.

— А? А, да. Кстати, это вам, — один резво перекочёвывает на преподавательский стол. — Что-то вроде взятки. Ещё тёплый.

Тот задумчиво принимается к содержимому.

— Эспresso?

— Он самый.

— На будущее, я предпочитаю Американо.

— Замётано. Так я прощена? — для стопроцентного эффекта снова невинно хлопает глазами девица.

Ля, актриса.

— Занимайте места. Оба, — обречённо отмахивается препод. — На первый раз прощаю, но Спиридонов соврать не даст — прогульщики я не люблю.

— О, да, — хмыкаю, лениво плетясь к пустым задним рядам, преследуя свою цель.

Рядом с ней же и падаю.

— Эй, это мой, — возмущённо надувает губы кукла, когда я умыкаю у неё из-под носа кофе, залпом допивая булькающее в таре содержимое.

Бр-р, ванильный раф? Та ещё распиаренная дрянь.

— Считаю, это компенсация за моральный ущерб. Ты, кстати, должна мне за ремонт тачки.

— Обязательно. Наличными или картой?

— Нагурой.

— Как примитивно. Впрочем, на большее я и не рассчитывала.

Это она меня так укусить решила? Мимо. Такой дешёвый яд меня не берёт, тут надо что-то поагрессивнее.

— Кто-то же должен научить тебя хорошим манерам.

Девица так вызывающе фыркает, что передние столы вопросительно оборачиваются в нашу сторону.

— Обещаешь? А то ведь могу и согласиться, — надувая и лопаю очередной пузырь, скидывает та с плеч косуху и лезет в рюкзак за телефоном.

Ага. Помимо розовой повязки, оказывается, имеется ещё одно выбивающееся пятно в этой чёрной кожаной оргии — белый короткий топ.

То, что блондинка без комплексов очевидно сразу по отсутствию лифчика. Как и очевидно, что бабла у неё хватает: помимо понтовской машины ещё и шмотки брендовые. Даже чёрный бархатный ошейник на шее и тот с эмблемой «Шанель».

Лекция продолжается, но особого участия в ней не принимаю. Уложив голову на скрещенные руки, тупо валяюсь на столешнице, искоса поглядывая на соседку.

Которая, в свою очередь, словно забыла о моём существовании. Сидит, жуёт жвачку и отрешенно чирикается в телефоне с чехлом в розовых блёстках.

Препод, тем временем, чешет что-то заумное, переключая слайды на опущенном проекторе.

— Аполлон Бельведерский — одна из самых знаменитых скульптур. Судя по стилю, её создали в эпоху Александра Македонского — период эллинизма, когда греческие мастера достигли вершин в своём таланте, — вещает он занудно, пока на большом экране рябит изображение голого мужика в полный рост. — Статуя построена по идеальным принципам золотого сечения: классически правильное лицо симметрично, а вот поза работает по принципу

противопоставления, что создает даже в спокойной фигуре эффект движения. Но почему же она настолько популярна, ведь в тот период был создан не один шедевр?

— Разве не очевидно? Налицо конфуз, — хихикает кто-то, намекая на маленькое достоинство.

— В период Античности привилегии отдавались размаху плеч, — подаёт голос моя блондинка, не отрываясь от телефона. — А маленький член, кстати, олицетворял мужественность, преданность и плодovitость, так что, коротыши, берите на заметку и козыряйте этим фактом, если вдруг линейка подведёт.

— А вот это уже дискриминация. А если у меня большой, то что — всё? Ни мужественности, ни преданности, ни плодovitости? — искренне оскорбляюсь.

— Большие агрегаты присваивали сатирам, ведущим распутный образ жизни, — с бесящим чпоканьем лопаая пузырь, ехидно ухмыляется та. — Так что поздравляю, ты — сатир.

— Рогатый и копытный? Вот уж обласкала.

— Не переживай. Зато член большой.

— Это да, тут не поспоришь. Хочешь посмотреть?

— Вряд ли ты сможешь меня чем-то удивить.

— А я всё же попробую. Как н...

— А давайте вы обсудите это потом, наедине? — перебивает нас препод. — Я согласен с тем, что в древности мужчина ценился, прежде всего, как воин, и половой орган занимал последнее место в рейтинге, однако вопрос был не о размерах. Повторюсь: почему статуя Аполлона стала настолько популярна? — худая кисть с золотыми браслетами взлетает вверх, едва не заехав мне по морде. — У вас и на это есть ответ, мисс всезнайка?

— Есть, — наконец, откладывает она телефон, вскидывая голову. — Причин несколько. Первая, — загибается наманикюренный палец, не опуская руки. — Он правда красавчик. Второе, — указательный идёт туда же. — Его нашли в правильное время: в эпоху Ренессанса, когда все окультуренные дяди и тётки фанатели по античному искусству, примерно как мы по BTS. Найди её раньше — верующие христиане могли бы вдребезги разнести такую пошлость. Найди кто позже, когда музеи уже были перенасыщены находками античности — она бы так не прогремела. Третье, — средний присоединяется к первым двум. — Его отдали кому надо, в ватиканский дворец. И последнее, — торчать остаётся только мизинец. — Наш красавчик нашёл личного покровителя, благодаря чему и стал «иконой».

В десяточку. Препод удивлён, но доволен. Надо же. Оказывается, и такое бывает.

— Неплохо, ответ зачтён. Только мне непонятно: почему никто не записывает дельные мысли? — однокурсники поспешно оживают, зашуршав тетрадами. — Едем дальше, — слайд перещёлкивается. — Её, думаю, тоже представлять не придётся. Но вопрос тот же: в чём секрет её успеха?

— Ого, кто-то стырил мою фотку, — усмехается блондинка, когда картинка сменяется на обнажённую по пояс безрукую Венеру.

— С самооценкой у тебя порядок, — подперев башку кулаком, уже напрямую пересекаюсь с лисьим взглядом. Реально. То ли из-за намалёванных стрелок, то ли из-за формы глаз, но ассоциации сами вылезают. Лиса. — Как зовут-то хоть тебя?

— Брось. Неужели это правда важно?

— Честно? Не-а, — широко зеваю, рискуя разорвать челюсть. Нет, эту пару досижу и сваливаю к херам. Отсыпаться. — Но это всё равно не мешает нам забиться на вечер, правда?

— Да, отчасти, — вклинивается разносящийся по высоким потолкам убаюкивающий преподавательский нудёж, отвечающий кому-то. — Слухов по поводу пропажи её рук ходили великое множество, как и о том, что же она в них держала.

— Яблоко, — лениво бросаю, не разрывая зрительного контакта с жертвой. — Которое вручил ей Парис, признав самой зачётной тёлкой. Хочешь, тебе тоже подарю яблоко?

— Считаешь меня самой зачётной тёлкой?

— А это мы узнаем, если согласишься на стрелку.

Согласится. Пятихатку ставлю, что согласится. По самодовольной улыбке вижу. И ещё пятихатку сверху готов накинуть за догадку: она специально в меня въехала. Чтобы привлечь внимание.

— В восемь. У Зингера. Не опаздывай, а то уйду к другому, — выдержав нужную паузу, подтверждает та мою догадку согласием, и отворачивается, снова утыкаясь в телефон.

Это она так тонко даёт понять, что беседа окончена? Да ради бога, что хотел — я получил. Откровенно говоря, даже разочарован. Могла бы хоть немного поломаться. Это было бы куда интереснее.

Глава вторая. Машенька, ты там как?

РОВ БЕЛИНСКАЯ

Ноготь сломала. Ёлы-палы, ну как так-то, а? Только на днях же сделала маникюр. Теперь придётся идти на коррекцию.

Обеденный перерыв закончился и, пока народ медленно стекает обратно в аудиторию после финального перекура, я уже на месте: лезу в директ, отправляя сообщение мастеру.

Скорого ответа не наблюдается, преподши тоже ещё нет, так что от нечего делать листаю новостную ленту, выискивая среди тонны спама что-нибудь если не интересное, то хотя бы любопытное.

И нахожу.

Разборки диванных критиков. Знаете всякие паблики, куда с охотой сливают анонимную лютую дичь, а психиатры без образования это с не меньшей охотой обсуждают, доводя диалог до абсурда?

Вот под одним из постов про супружескую измену собрались три девицы: малолетка-ток-сик, душнила и феминистка. Комбо набор, от которого мозг в трубочку сворачивается.

Не удержавшись, вношу и свою лепту. Как итог: за несколько минут умудряюсь со всеми разосраться, словив в свою сторону целый веер оскорблений, но это даже весело. В своей нелепости.

Набираю очередной стёбный комментарий, советуя девочкам заняться собственной личной жизнью, а не ковыряться на моей странице, выискивая доказательство того, что я сама чья-то «подстилка», когда меня накрывает тень.

А наносекундами ранее ещё и запах.

Со вчера отлично запомнила этот парфюм: резковатый и приятно освежающий. В котором отчётливо улавливаются древесные сандаловые нотки. Спорим, «Кензо»?

Вскидываю голову, встречаясь с глазами, через которые словно проваливаешься в преисподнюю. Причём это не оборот речи: радужка настолько тёмная, что сливается со зрачком, создавая не самый приятный 3D эффект.

Хотя, в принципе, для Артемия Спиридонова это лишь дополнительная изюминка, на которую охотно клюют наивные глупышки, текущие Ниагарой от плохих мальчиков. А Спиридонов у нас *очень* плохой мальчик. От такого не только дочурок своих прячут за семью замками, но и их мам. На всякий случай.

Уж чего не отнять Артемию, который ненавидит своё имя, однако при этом под угрозой сломанных конечностей запрещает коверкать его или сокращать — это магнетической притягательности и ярко выраженной маскулинности.

А тело, тело-то какое!

Девчата, ловите летающие трусики. Сразу видно, что над собой долго и упорно работали, превратив фасад в зону эстетического поражения.

Высокий, крепкий, широкоплечий, с разбегающимися по рукам дорожками вен и угольно-чёрными татуировками, выглядывающими из-под футболки. Внешка на твёрдую соточку, так что готова признать — подать себя Спиридонов умеет.

Прямо сейчас подаёт, давая убийственной дозой тестостероновых волн. Замер надо мной грозной поступью и смотрит.

Немигающе, пронизывающе, хищно.

— Могу чем-то помочь? — обворожительно улыбаюсь, светя идеально ровными зубами. Многолетнее хождение в брекетах не прошло даром. — Прошу прощения? — театрально выги-

баю бровь, наблюдая за тем, как тот молча хватает мой рюкзак, с грохотом высыпая содержимое на стол.

— Ага, — порывшись, Артемий находит то, что искал. Студенческий билет. — Аврора Белинская, значит. Ну, здравствуй, Аврора Белинская.

— Эм... ну, здравствуй, — безмятежно соглашаюсь, тихо радуясь, что внутренний кармашек застёгнут на молнию. А то получилось бы неловко.

— Как вечер прошёл?

— Прекрасно.

— А у меня вот скучно. Хотел одну выскочку на место поставить, да только та слилась. Зассала и не пришла.

— Соболезную, неприятно оказаться бортанутым. В центр психологической поддержки обращался? Такое-то эмоциональное потрясение. С этим не шутят.

Колкость остаётся неоцененной.

— Слушай, красотка, — бедром отпихнув сидящую впереди девчонку, Спиридонов склоняется ко мне, опираясь локтями на столешницу. — Не знаю, что за игру ты затеяла, но с удовольствием в неё поиграю. Правила расскажешь?

Ну, естественно, поиграешь. Куда ты денешься, если уже клюнул на крючок. Мужское эго никогда не прощает динамо, а уж такое раздутое, как у него...

Я слишком давно собираю на Артемия информацию, так что изучила засранца вдоль и поперёк.

Вырос в приюте. Родителей нет. Еле закончил среднюю школу, неоднократно её меняя, так как его вытюривали оттуда за хулиганство и постоянные разборки. И с учениками, и с учителями. После девятого закончил шарагу, после чего каким-то чудом поступил сюда на бюджет. Правда в прошлом году и отсюда едва не вылетел за прогулы, но он дал кому-то в деканате на лапу, поэтому теперь не запаривается.

Что любопытно, Артемий Спиридонов — наглядный пример человека, у кого сроду ничего не было, однако который при этом умудрился выкарабкаться и вполне себе неплохо устроиться по жизни.

— Так в том и прелесть, — усмехаюсь, едва сдерживаясь от соблазна пригласить его небрежно встопорщенный тёмный вихрь на голове, несколько коротких прядей которых упали на упрямый лоб. Расчёска? Не, не слышали. — Никаких правил нет.

— Это мне нравится. Такое я люблю, — склонив голову, с прищуром внимательно разглядывает тот меня. — А вот когда меня опрокидывают... не очень. За это обычно наказывают, знаешь?

— Умоляю, только не розги. Я очень нежная.

— Какая жалость. А я вот, наоборот, люблю пожёстче. И как нам быть?

— М-м... Поискать себе партнёра по интересам? Могу дать визитку одного БДСМ-клуба. Уверена, тебе там обязательно найдут местечко среди доминантов.

— Даю угадаю: освободившееся после тебя? А чего ушла? Попёрли за садистские наклонности? — парирует собеседник. — Кукла, налицо проблема. У моей тачки помят зад, так что требую сатисфакции. И твой зад вполне сгодится в качестве компенсации.

В смысле, он имеет в виду, чтоб прям... туда? Э, не! Так не пойдёт.

— Прости, но мой зад мне дорог как память, так что я пас, — вылавливаю под его рукой жвачку, раскрываю фантик и кладу пластину на язык.

Всё проделывается нарочито медленно, без разрыва зрительного контакта и в строго выверенных пропорциях, где только слепой не распознает эротического подтекста.

Тяжёлая мужская челюсть с ямочкой на подбородке подрагивает, растягивая тонкие губы в ухмылке.

Оценил.

— Будешь? — вскидываю зажатый между двух пальцев фантик, и тут же театрально спохватываюсь. — А, извиняюсь, последняя. Увы.

Молчит. Молчит, ухмыляется и смотрит.

Мне кажется, будь мы сейчас наедине, а не в переполненном кабинете, уже начала бы срываться одежда, потому что искрит в нашем радиусе нехило.

— Молодые люди, — подобно огнетушителю, остужает накалившуюся обстановку сухой строгий тон вошедшей преподаши по отечественной истории двадцатого века. Которую та, судя по возрасту, самолично застала. — Лекция уже началась. Займите места. Миловаться будете после.

— Слышал, милый? Миловаться будем после, — насмешливо подмигиваю Артемию. — Так что кыш отсюда.

М-м...

Нет. Я, конечно, особого послушания от него не ждала, но и того, что Спиридонов, схватив меня за затылок и притянет к себе, залепляя мой рот грубым поцелуем, тоже не ожидала.

Грубым и глубоким.

Тем, что позволяет щедро обмениваться слюнями, заставляя губы пульсировать от излишней напористости.

Воу, воу, воу! Полегче, ковбой.

— Молодые люди!!!

А, да, точно. Мы тут не одни.

Правда Артемия это мало заботит. Он заканчивает лишь тогда, когда сам считает нужным, благосклонно разжимая хватку и выпуская меня на свободу.

— Не расслабляйся. Скоро продолжим, — отстраняясь, подмигивает он, и, жуя мою подлейшим образом отжатую жвачку, с царским видом сваливает из аудитории, класть хотев на летящие в его спину возмущения сердитой старушки.

Где пропуск? Где пропуск, мать твою?!

Нет. Найти хоть что-то даже в рюкзаке размером с косметичку — это за гранью реального! Особенно после шмона, который устроил Спиридонов.

А-а! Ну нет и всё тут! Чтоб тебя!

Отчаявшись, забиваю на всё. Чёрт с ним. Попробую договориться с комендой, правда я в нашем студгородке живу-то всего ничего, но вдруг обычный студенческий и виноватые бровки домиком прокатят.

Выныриваю из ламбы, ставя её на сигналку, и чешу в обход типовой хрущёвской многоэтажки к закрытой на забор территории. Поставить тачку внутри, заручившись согласием — отдельное приключение. Для этого надо сперва выгнуться в такой асане, что позвонки и хребет скажут «гудбай», так что проще просто приткнуться у жилых подъездов.

— Эй, кукла, ничего не потеряла? — окликают меня ехидно.

Торможу на тротуаре, «тыканьем» ставя музыку в беспроводном наушнике на паузу и вопросительно оборачиваясь на голос. Показалось — не показалось?

Не показалось.

Да это же наш плохиш собственной персоной! Сидит на капоте своего джипа, модными дранными коленками на джинсах светит. Весь в чёрном, тачка чёрная — если бы не тлеющий уголёк сигареты, ещё и не заметишь его в это время суток, потому что освещение в данном районе оставляет желать лучшего. Один фонарь на полкилометра.

Не тороплюсь подходить, быстренько слепляя в голове внеплановый план-капкан.

Удивлена ли я подобному нежданному визиту?

Да. Но, в целом, довольна.

Мне нравится его азартность. Так будет проще.

Приблизительно прикинув в уме дальнейшие действия, наконец, неспеша подхожу к Спиридонову: манерно виляя бёдрами и цокая каблуками.

Ха! При приближении замечаю у него знакомую пластиковую карточку. А вот и мой пропуск. Нашёлся.

— Клептоманим потихоньку?

— Не представляю, как это у меня оказалось, — театрально изгибается мужская бровь, пробитая старым шрамом. — Твоё, да?

— Моё. Но если тебе нужнее, то, конечно, оставь.

— Да, не. Мне чужого не надо. Забирай, — Артемий небрежно протягивает мне карточку, кивая на убогое пятиэтажное здание. — Гоняешь на такой тачке и живёшь в общежитии? Вот уж не думал.

— Люблю острые ощущения.

— Острые ощущения — это когда с утра обнаруживаешь тараканов в постели?

— Знаешь не понаслышке?

— Естественно. Тоже там жил пару лет.

Знаю.

— Жил, но уже... нет?

— Не а.

— Что так?

— Неполостики с местным начальством.

Да. И это я тоже знаю.

— И где же ты теперь обитаешь?

— О, это чудовищное место, где не существует правил. Могу показать.

Это его трейлер-то, где за рекордные сроки была уложена на лопатки добрая половина женской части универа, чудовищное место? Скорее уж чудовищное. И очень надеюсь, что не сифилисное.

— Обещаю, что непременно подумаю, но мы отклонились от курса, — напоминаю. — Ты ведь меня дожидаешься с определённой целью? Только не говори, что соскучился. Пощади! Моя психика не готова к сопливой романтике.

Губы Артемия искривляются в токсичной ухмылке.

— Обойдёмся без романтики. Я ведь тебя предупредил, что мы не закончили.

Да уж, предупредил. И отжал мою жвачку, ирод! Ничего святого у человека.

В любом случае, пора преступать к следующей фазе плана. Привлечь внимание я привлекла. Теперь пора направить его, в общем-то, весьма тривиальные мысли в нужное мне русло.

— Слушай, давай расставим все точки? Я помяла тебе машину, да? Претензия в этом? Так я заплачу, хоть это и ты олень, который не смотрит в заднее зеркало.

— Как интересно ты всё вывернула. Но мы ведь оба знаем, что ты въехала в меня нарочно. Какая самоуверенность!

Приближаюсь ближе, сокращая расстояние до минимума, однако этого недостаточно. Ещё и кокетливо приманиваю его пальцем, заставляя склониться так близко, чтобы в полной мере почувствовать исходящее от мужской кожи терпкое тепло, щекощущее рецепторы.

— Докажи, — горячо выдыхаю в лицо Спиридонову.

Ага, завёлся. В демонических зрачках, буквально пожирающих мои губы, вспыхивает дьявольское пламя. То самое, что грозит сжечь к чертям собачьим всё, до чего способно дотянуться. Сжечь ярко, эффектно и со вкусом.

— Нахер доказывать, — глухо рыкает он. — Я просто тебя трахну, и будем квиты.

Ух, сколько же в нём экспрессии, сколько огня! И да, не станем отрицать, это завораживает. Огонь всегда завораживает, вот только после пожара, как водится, остаётся пепелище. А кому это надо?

Правильно. Точно не мне. Поэтому, как у любой запасливой девочки, у меня на этот случай заготовлен огнетушитель.

— Нет, милый. Трахну тебя я. Но исключительно тогда, когда сама посчитаю нужным. Смирись с этим, — притянув его за ворот выглядывающей из-под кожанки футболки, нарочито медленно оставляю отпечаток перламутрового блеска для губ аккурат между поблёскивающей серьгой-колечком и заходящим на шею тату. Целую и отступаю на шаг. — Спокойной ночи, яхонтовый. Приходи, когда сможешь предложить мне что-то куда существенней, нежели второсортный перепихон. Чмоки-чмоки! — отвешиваю на прощание, красиво сваливая в закат.

— Белинская, ты — сука, — прилетает мне в спину.

— Знаю, — не оборачиваясь, салютую возвращённым пропуском, направляясь к закрытой металлической калитке. — И тебе это нравится.

Спиридонов верно подметил: студенческий городок, как его тут громко величают, на деле является банальной общагой, расположившейся в бывшей питерской коммуналке. Причём нуждающейся в капитальном ремонте.

Внутри обычные комнатухи: в угловые комнаты вселяют по три человека, в обычные — по двое. Из удобств — санузел на пятерых, задрипанная кухня на несколько жилых блоков и одноместные доисторические койки с казёнными постельными принадлежностями. Которые я побрезговала брать, купив свои.

Не могу сказать, что такие условия — предел мечтаний. Даже общежитие в Калифорнии рядом с этой советской развалиной кажется теперь настоящим дворцом, но чтобы сепарироваться от Бориса, с которым у нас достаточно натянутые отношения, сгодится.

К тому же, на этот раз соседка попалась мне вроде как адекватная. Мирная, спокойная. Слегка заучка. По ночам не лунатит, не храпит и святой водой меня не окропляет, пока я сплю. В отличие от предыдущей придурковатой католички.

О, и никто не гудит под одеялом вибратором, что тоже немаловажно! А то всё та же католичка оказалась с эпичным прибаблом и имела какие-то свои, крайне смутные понятия о целомудренности.

В общем, новая сожительница — настоящее провинциальное золото: тихое и закомплексованное. Так я думала ровно до вечера пятницы, пока не застучала её с болтающимися на коленках трусами и согнувшуюся в позе рака.

Это кто её так старательно натягивает на себя? По спине не узнаю...

О, Спиридонов! Вот же здрасти.

— Клёвые булки, — не могу не заметить, кивая на подкаченные мужские ягодицы, прекрасно просматривающиеся благодаря спущенным джинсам. — Вы не отвлекайтесь, — прикрываю дверь, проходя на свою часть комнаты, однако не забываю тормознуть на середине, вспомнив о вежливости. — Я же вам не помешаю? Ванная занята, а топтаться в коридоре мне, если честно, лень.

— Не переживай, — продолжая как ни в чём не бывало вдалбливаться в соседку, глухо отзывается Артемий. — Мы уже почти закончили.

— Ну и славно, — падаю на кровать, поправляя на талии широкий пояс любимой бордовой юбки в крупную клетку. Поправила, смахнула с высоких чёрных гольф ниточку, прислушалась. — Она там хоть жива? Уж больно притихла.

— Не знаю, — равнодушно отзывается Спиридонов. — Проверь.

Послушно изгибаюсь, придерживаясь за изголовье и вглядываясь в соседку, уткнувшую мордой в подушку. Уже не стонущую, а сипящую.

Охрипла, бедняжка.

— Маш, ты там как? — тишина. Ну, почти. Не считая шлепков соприкасающихся тел, сбитого дыхания Артемия и жалобного девичьего скуления, потому что тот себя вообще не сдерживает. Таранит, будто насмерть забить хочет. — Говорит, нормально.

— Вот и прекрасно, — несколько последних рывков и довольный альфа-самец получает свой заветный кусок торта. В смысле, кончает.

— Да ты эгоист. А ей помочь с оргазмом? — аж обидно за подружку.

Которая, впрочем, возмущаться не торопится. Слишком в шоке от происходящего. Поспешно накидывает на себя плед и, забившись в угол, таращится на нас как на больных.

Эй, а я-то тут причём? Пусть себе претензии предъявляет. Что она хотела получить от такого, как Спиридонов? Нежности и ласки? Романтики? Серьёзно?

— Сама разберётся, — стягивая презерватив с, стоит отдать должное — тут он не обманул, весьма внушительного дружка, Артемий удовлетворённо натягивает штаны обратно. — Это я так, время убить. Вообще, к тебе пришёл, а ты где-то шарисься.

Ко мне пришёл? Спустя почти два дня тишины и полного отсутствия в универе? Очаровательно.

— Прости, милый. Мне очень-очень стыдно. Я больше так не буду.

— Надеюсь, — звякает бляха застёгнутого ремня и он кивком указывает мне на дверь.

— Пошли, Белинская.

— Куда?

— Ты вроде любишь острые ощущения. Я тебе их обеспечу.

Хм. А вот с этого момента, пожалуйста, поподробнее.

— Каким образом?

— Поехали и узнаешь.

Так-так-так... Если это то, о чём я думаю, значит, рыбка не только клюнула, но и заглотила наживку вместе с поплавком. И даже не подавилась. Неужели, наконец, началось самое интересное?

Глава третья. «Мой Господин»

РОВ СПИРИДОНОВ

Едем в центр: собрав по пути все возможные мосты. Питер же. Ушаковский, Каменно-островский, Биржевой и главная достопримечательность города, на которой царит вечное и откровенно подбешивающее столпотворение — Дворцовый.

В салоне из магнитолы гремит ломанный хаус, в пальцах тлеет сигарета, унося едкий дым в приоткрытое окно, а в извращённых фантазиях кипит бурная деятельность.

Отвечаю: мысленно я ещё четверть часа назад свернул в ближайший проулок и успел трижды отыметь сидящую рядом блондинку, стерев весь её лоск.

Не в целях самообеления, а как констатация факта: Белинская сама нарывается. Мало того, что оголилась в край, так ещё и спецом призывно раздвинула колени, задрав юбку развратной школьницы по самое не хочу.

Сидит, только что не умоляя в неё пристроиться, а моська при этом невинней некуда. Весь такой из себя ангелочек, скромно играющий белокурый локоном. Хитрая сука она, а не ангелочек!

— Вопрос в целях расширить кругозор — бельё из принципа игноришь? — не могу не заметить. — Или в опале только лифчики?

Потому что её косуха едва ли не самого начала была скинута на заднее сидение, открывая полный обзор на торчащие сквозь майку соски. Того и гляди прорежут ткань.

— Возможно когда-нибудь ты это узнаешь, — лопа явочный пузырь, отзывается та. — А, может, и нет. Посмотрим на твоё поведение.

На МОЁ поведение?

Не, эта кукла вообще берегов не видит.

— Не люблю ждать, — щелчком отправив бычок в полёт, меняю руку на руле, запуская правую между её ног.

Клац. Коленки проворно захлопываются, ловя кисть в западню. Добраться до намеченного не успеваю, но мне и так неплохо. У неё там очень даже уютно.

— Куда потные ладошки распускаешь? — неодобрительно цыкает Белинская, даже не пытаясь выглядеть возмущённой. — Посторонним вход запрещён.

— Это тебе твой папик так наказал?

— Какой папик?

— Который нацепил на тебя поводок.

Не доходит. Ну, приехали. Издёвки ещё и приходится разжёвывать. Точно блондинка, хоть и крашенная.

— Это чокер, гений, — наконец, допендривает она, щерясь. — Украшение такое.

— Больше похоже на ошейник рабыни.

— Тебе виднее.

— Так да или нет?

— Что «да» или «нет»?

— Папик имеется? Иначе как ещё объяснить наличие дорогих шмоток и тачки у девчонки, выросшей в мухосранске?

— Уже навёл справки?

— Заскочил на досуге в учебную часть, помониторил твои бумажки на поступление.

В них, конечно, много не найдёшь, но несколько фактов всё же удалось выяснить:

1. Белинская закончила среднюю школу в каком-то мелком городишке под Новгородом. Причём закончила без особых отличий.

2. Однако при этом последний год отучилась в Калифорнии, в достаточно крутом университете, но бросила перспективу и вернулась в Россию, переехав на ПМЖ в Северную Столицу.

3. В свидетельстве о рождении напротив графы отец стоит жирный росчерк.

Собственно, на этом всё. Негусто, но хоть что-то, так как с социальными сетями вышла ещё большая лажа — профили наглухо закрыты. Всё, что остаётся — драть на аватарку, где она стоит в бикини возле океана.

— Мило, — новость о том, что под неё копали, вызывает у Авроры нулевую реакцию. — Хотя мне казалось, личные данные — это вроде как приватная инфа. Кому попало её не разглашают.

— Кому попало нет. Но я же не кто попало, верно? Тем более, в учебке сидят дурёхи, которым несложно повесить лапшу на уши.

— Ты их хоть поощрил за помощь?

— Не, они стрёмные. Не в моём вкусе.

— Ого! А ты оказывается избирательный? Ну всё, тогда я спокойна: хотя бы дурнушки могут спать спокойно, — с приглушённым хлопком чпокая очередной пузырь, едко ухмыляется Белинская.

— Ты бы не за них переживала, а за себя. И что за мания такая в рот всё время что-то совать?

— Курить бросаю. А это, типа, никотиновый заменитель.

— Могу предложить более крутую альтернативу. Уверен, ты будешь шикарно смотреться, если тебя поставить на колени.

— Ты даже не представляешь, *насколько* шикарно, — поймав мой взгляд, та эротично провела кончиком языка по сладким от жвачки губ.

Джип, рыкнув, дёргается вперёд, от чего ремень безопасности, натянувшись, впивается в рёбра.

Мать твою!

Засмотрелся и перепутал педали, чуть не въехав в жопу притормозившему на светофоре Форду. Аж ладонь на рефлекс выдернул из пригретого места.

А пассажирке хоть бы что. Довольная своей шалостью, она как ни в чём не бывало отворачивается обратно к окну, закидывая руку за голову.

— Ох, и долялкаешься ты, — включая поворотник, сворачиваю с Дворцового проезда на шумный и горящий предночными огнями Невский проспект. — Прямо по острому краю ходишь. Того и гляди, каблучок соскользнёт и рухнешь в пропасть.

— Жду не дождусь. Но пока слышу лишь пустые обещания.

Кабздец. У меня даже слов подходящих не подбирается. Не столько от открытой провокации, сколько от её шедевральной дерзости. И феноменально зашкаливающего чсв.

Белинская явно из тех гротескных персон, что будут лежать на подушках, вышитых золотом, и есть виноград, глядя на то, как остальные кипят в адском котле. Под которым и сама же разведёт костёр, скуки ради.

Заезжаем за угол четырехэтажного здания, наштапованного вывесками, втискиваясь в единственное свободное парковочное место напротив протекающей рядом Мойки.

— Оно для инвалидов, — замечает пассажирка. — Эвакуируют.

— Не рискнут, — достаю из бардачка и кидаю на приборную панель, под лобовое, ламинированную карточку-пропуск.

— Министерство Обороны РФ, серьёзно? — давится она смешком, без труда разглядев подделку. — Тебя туда хоть на порог-то пустят?

— А мне туда и не надо. Это так, пугалка. Никто его подлинность проверять не будет. И уж тем более эвакуаторщики.

— Разумеется, нет. Они же не хотят оказаться депортированными на родину, — Аврора, первой выпархивает на улицу, лениво потягиваясь.

Ля, фигурка у неё, конечно, пушка. Задница, талия-аномалия, сиськи — всё на высшем уровне. О чём, естественно, она не только прекрасно осведомлена, но и умело этим пользуется.

Правда в этом и заключается проблема: с девушками, что знают себе цену, много хлопот. С закомплексованными в разы проще. Мало того, что те особо не ломаются, так ещё и с такой искренней благодарностью принимают оказанное им внимание, что в пору считать себя миссионером.

Белинская же, чую, ещё отсыпет мне проблем. Уж больно эта блондинка себе на уме. Не говоря о том, что насквозь фальшивая. Улыбочки, флирт, кокетливые заигрывания — от всего за километр разит подвохом. Словно она ведёт свою собственную игру, в правила которой не торопится никого посвящать.

Но ничего. И не такие крепкие орешки кололи.

— Стриптиз-бар? — разочарованно морщит та нос, за приметив светящуюся вывеску. — Всего-то. Я ожидала что-то более увлекательное.

— Смотря, что ты подразумеваешь под этим понятием, — собственнически закинув локоть на её плечо, притягиваю Аврору к себе. — Я бы, конечно, не отказался от привата в твоём исполнении, однако мы здесь не для этого.

— А для чего?

— Хочу тебя кое с кем познакомиться.

— С кем?

— С дилерами моего личного адреналинового кайфа.

Утягиваю Белинскую в недра похоти и разврата оборотной стороны столь восхваляемой туристами «культурной» Северной Столицы.

Минуем стеклянную дверь с наклепленными на неё ироничными наклейками *#тшечная* и *#мжсносженой*, с порога увязнув в сладость аромамасел, от которых щекочет в ноздрах.

Обменявшись приветствиями с горячей-хостес, обряженной в эро-мини, поднимаемся по металлической лестнице, подсвеченной неонами, и попадаем в главный зал.

Из-за приглушённой подсветки тут кажется особенно темно после улицы, но это, отчасти, к лучшему. Так интимная обстановка обеспечена наверняка. Рисунки на стенах в стиле пин-ап, кожаные диваны и шесты, вокруг которых крутятся полуобнажённые красотки. Чем не рай, а?

— Нам сюда, — поворотом задаю нужное направление, всё ещё фиксируя блондинку. Та не брыкается: лишь волосы из-под локтя вытащила, а так вполне позволяет себя тискать.

Те, кого мы ищем — притаились в углу. Обложившись выпивкой, закуской и заказав кальян на какой-то особенно мерзко приторной дряни. Фу. Тут и без того дышать нечем, а они ещё больше добавляют кумарища.

— Детки, давайте я вам чупа-чупсы подарю? Раз вы так любите сосать, — отвечаю вместо приветствия.

— Себе отсоси, придурок, — миролюбиво отмахивается Грек, привставая, чтобы обменяться рукопожатием. Та ещё долговязая глиста под два метра ростом.

— Зачем самому себе-то? У него, вон, есть кому, — ухмыляется Туз, тоже протягивая мне пятерню, правда едва ли не вслепую. Слишком уж залип на Белинскую, жадно пожирая её с ног до головы.

Понять его понимаю, однако не одобряю.

— Окуляры подбери. Моя добыча, — предупреждающе одёргивая товарища, чтоб сразу пригасил прыть и слюни подобрал.

— Добыча? — умиляется Аврора. — Яхонтовый, у тебя неверные сведения: ты, кажется, перепутал местами охотника... — её взгляд скользит чуть в сторону, от чего по хорошенькому лицу проходит едва уловимая рябь. — И жертву.

Опа-на! Только я успел заметить дрогнувшую скулу, да? Вопросительно прослеживаю траекторию, тормозя на Барине. Тот у нас товарищ занятой и пока даже головы не поднимает, зарывшись в макбук и что-то печатая.

Не, Барин, конечно, рослая горилла с щетинистой мордой-кирпичом, но явно не настолько устрашающий, чтобы вызывать отвращение одним своим видом.

Хм. Любопытно. Это надо обмозговать на досуге.

— Остальные где, ещё не подъехали? — несложно заметить, что определённых кадров, которым была назначена на сегодня стрелка, пока недостаёт.

— Ждём, — горстью закидывая арахис в глотку, пожимает плечами Грек. — Полчаса в запасе ещё есть.

— Ждём — значит, ждём. Падай, кукла, — киваю Авроре на диван.

Падает. Точнее усаживается подобно царице. Закидывает руку на изголовье, ногу на ногу и... маникюр свой лениво начинает разглядывать. Всем видом даёт понять, что ей уже скучно.

— Она тоже вписана? — кивает на неё Туз.

Тот ещё дрыщ с так и неоформившимся пушком над губами. Немножко фрик, будем откровенны, но вот же удивление — с девками проблем не имеет.

Тузов, кстати, мой подгон в компашку. С Толяном мы вместе мотали срок в детдоме. После наши дороги ненадолго разбежались, но потом снова случайно пересеклись. Он искал лёгких бабок, так как с работой не складывалось, нам же был нужен ещё один человек — замотивированный и неболтливый.

На том и перешли.

Вопрос задаётся негромко, к тому же в зале хреначит музыка, под которую симпатичная рыжуха выкручивает пируэты у шеста буквально в паре метров от нас, хвастаясь подтянутым задом, но мимо Авроры не пролетает.

— Куда вписана? — заинтересованно шурится она.

— Кролики не только ценный мех, но и длинные уши, а? — строго прищипываю.

— А ещё рагу вкусное. С черносливом, — меланхолично откликается Белинская, закончив с маникюром, и переключаясь на преysкурant, валяющийся листовкой на столе. — «Набе-докурить» от тысячи рублей, — заценив, хмыкает. — Бей посуду — я плачу, называется. О, а вот это что за прелесть: «Называйте меня «Господин»», — она одаривает меня улыбкой гиены. — Часто пользуешься услугой? А то где ещё окружающие обратятся к тебе должным образом.

Грек от смеха давится кальяном, делая неудачную тяжку.

— Ты её вообще не контролируешь? — закашливаясь, глумливо хрипит он.

— Зачем? Так же веселее, — падаю рядом с Авророй, подмигивая. — Слышать «мой Господин» от нравной гордячки куда приятнее, чем от покорной моли, верно?

Тонкая кисть с браслетом на запястье взмывает в воздух ладонью вверх.

— Деньги вперёд.

— М-м?

— Десять штук и до конца этого дня я буду звать тебя исключительно «мой Господин».

— Десятка? Было ж всего два косаря, — на всякий случай сверяюсь с преysкурantом.

— Это вот та красotka, что снимает сейчас лифчик, стоит два косаря, — Белинская равнодушно дёргает подбородком в направлении стриптизёрши. — А у меня другой тариф.

— Так ты всё-таки продаёшься?

— Мы все, так или иначе, продаёмся. Просто цена у каждого разная.

— И сколько берёшь за ночь с приватом?

— Даже если возьмёшь в банке кредит, не хватит. А вот маленькую блажь потянешь. Ну так что? — напоминая, шевелит пальчиками Аврора. — Оплата вперёд.

Она что, ща на полном серьёзе это предлагает?

— Соблазн велик, не спорю, но это ведь будет суррогат. Лучше я дождусь, когда ты будешь делать это не только бесплатно, но и по собственной инициативе.

— Всё понятно, — фыркает та, отворачиваясь. — Так и знала, что ты жмот. Поэтому и уgomониться со своей тачкой не можешь. Чтоб на ремонт собрать, на паперть, видимо, пойдёшь? Так и быть, давай отсыплю тебе мелочёвки. Кто знает, это будет считаться благотворительностью? А в карму зачтётся?

Не, ну я же говорю — сука она.

— Ох, блондинка. Доведёт тебя твой длинный язык до беды когда-нибудь, — лезу в задний карман за наличкой. Хорошо есть с собой, иначе к банкомату пришлось бы бежать. — Держи, — вручаю ей пару примятых купюр. — И будь хорошей девочкой ровно до полуночи. Как и обещала.

— Но, *мой Господин*, — с довольным видом прячет та деньги в рюкзак. — Я лишь обещала вас так называть. Про хорошее поведение речи не шло.

Пацаны гогочут уже просто в голосину.

— Поздравляю, Спир. Тебя только что поймали на десять штук, — с ухмылкой отрываясь от макбука, Барин, наконец, соизволяет обратить внимание на Белинскую. Присматривается, призадумывается. — Мы уже виделись прежде, голубка? Твоё лицо кажется мне знакомым.

— Могу предположить: ты ко мне подкатывал, а я тебя бортанула.

— Это вряд ли. Тогда бы точно запомнил.

— Что, редко отшивают?

Тот одаривает её хищным оскалом.

— Практически никогда.

— Плохо. Порой полезно, чтобы не зазнаться. У *моего Господина*, например, ещё немного, и грыжа вывалится. Настолько неподъёмна корона, — не удерживается Аврора от очередной колкости в мой адрес, поглядывая на массивные наручные часы.

С учётом того, как она только что с лёгкостью срубила бабла на пустом месте, наличию Картье уже не удивляюсь.

— Торопишься куда-то? — вкрадчиво интересуюсь. — Где-то ждёт ещё пара лохов, которых надо развести?

— Нет. Они по графику на завтра стоят. На сегодня ты у меня единственный такой... *мой Господин*, — подавив смешок, реагирует та на призывный писк телефона и проворной пташкой вспархивает с места, пинком веля мне подвинуться, чтобы можно было пройти.

— Далеко собралась?

— В уборную.

— С тобой сходить?

— Зачем? Тампон подержать? Сама уж справлюсь, — огрызается Белинская, выныривая на свободу. Однако, вспомнив, возвращается, склоняясь ближе, и страстно выдыхает возле моего уха: — *Мой Господин*.

Чёрт. Вот она стебётся, а меня всё равно вставляет. Хорошее денежное вложение, мне нравится.

— Так вот чего ты такая агрессивная. Месячные.

Вместо ответа перед моим носом взлетает вскинутый средний палец.

— Ты где нашёл это сокровище Юнеско? — заинтересованно выгибает бровь Барин, наблюдая за тем, как та удаляется походкой от бедра.

— Честно говоря, это она меня нашла.

А я при этом упорно не понимаю, как едва не умудрился проморгать её? Видная же девка. Настолько видная, что мужики всех близстоящих столов шеи свои посворачивали ей вслед. Класть хотел на скачущие перед ними голые сиськи.

— Любопытная особа. Сразу видно, что не из робких. Такая далеко пойдёт.

— Не думаю, что она согласится участвовать.

Аврора, конечно, шизанутая, но...

— Тогда зачем ты привёл её сюда?

— Не знаю. Просто так. За компанию.

— За компанию. Просто так «за компанию» тёлочка мы вроде договорились не впутывать, забыл?

А, да. Забыл сказать: Барин у нас кто-то вроде негласного лидера, создателя «Цикад». Чел имеет обширнейшие связи в городе, в большей степени всё сам и организывает, но время от времени не забывает раздавать указания. Часто в ультимативной форме. Правда и платит за их выполнение ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы возмущаться резона не возникало.

— Не забыл. Но эту захотелось.

— Смотри, как бы тебе это потом не аукнулось.

— Не аукнется.

А если аукнется... Вот тогда и будем думать.

Глава четвёртая. Русская рулетка

POV СПИРИДОНОВ

— Что-то потерялась твоя красотка. Уж не сбежала ли от «Господина»? — ехидно интересуется Грек.

Откровенно говоря, он прав. Белинская слишком застряла в сортире. Я к этому моменту успеваю не только заказать двойной виски, но и наполовину его выпить.

Хочу уже было выдвинуть гипотезу о прилетевших инопланетянах, ищущих неадекватных девиц во имя изучения мозговой активности в период нестабильного гормонального цикла у недотраханых, но та так и остаётся невысказанной. К счастью! Вслух я эту дичь всё равно хрен повторю.

— Не сбежала, — замечаю знакомую юбчонку, возвращающуюся к нам. — В толчок провалилась, милая?

— Именно. Всей бригадой сантехников-извращенцев вытаскивали. Облапали сверху донизу.

— Вопиющее безобразие! Почему им можно, а мне нельзя? Где справедливость? — не дав Авроре нырнуть обратно на насиженное место, роняю её себе на колени. — Совсем другое дело. Устраивайся поудобнее, не стесняйся.

— Как скажете, *мой Господин*, — послушно ёрзает та, придавливая яйца, от чего из глотки вырывается слишком уж немужественное скуление. — Ой, — Аврора корчит такую искренне виноватую рожицу, что впору вручать Оскар за актёрские навыки. — Бубенчикам досталось? Больно, да?

— Щекотно, — отлично, ещё и подхрипываю. — Ты с моим главным достоянием поаккуратнее будь. Самой же пригодится ещё.

— Главным и единственным, судя по всему.

— Не нарывайся.

— Ни в коем случае. Но согласишься, достижение так себе. Это ведь даже не твоя заслуга, а эволюции.

Ля, я её придушу когда-нибудь, отвечаю. Сначала затрахую до смерти, а потом задушу. Или сначала задушу, а потом затрах...

Не, стоп. Я ж не некрофил. Меня трупы не вставляют, хотя... Её мог бы. Теоретически.

— Какое ж ты болтливое создание, — закидываю её ноги на сидение, медленно ведя ладонью по высоким чёрным гольфам. — Вот вроде красивая, а как рот откроешь бесишь. Ты бы хоть немного фильтровалась.

— Зачем? Это ты до меня домогаешься, забыл?

— А ты несильно-то и сопротивляешься, — в качестве подтверждения иду ещё дальше, скользнув выше. Ныряю под юбку и замираю на пылающем бедре. — Тебе нравится моё внимание, признайся.

— Я не против него, если ты об этом.

— Это тоже самое.

В ответ прилетает такая таинственная ухмылка, что пора вносить второй Оскар.

— Мальчишки, — склонив голову, Аврора с хозяйской деловитостью приглаживает мне волосы, активно работая челюстью. Во даёт, опять жвачку жуёт. — Какие же вы всё-таки наивные.

— И что это должно значить?

Белинская склоняется ближе, понижая голос до заговорщицкого полушёпота.

— То, что вас настолько просто обвести вокруг пальца, что это даже скучно. Ты главное не надумай ничего лишнего, ладно? Не хочу разбивать твоё хрупкое сердечко, — прячет она растянувшиеся в ядовитой улыбке губы за надувшимся пузырьком.

Подаюсь вперёд, зубами откусывая его и позволяя лопнуть у себя во рту, растекаясь по нёбу гранатовым послевкусием.

— Бытует мнение, что у меня его нет, — всматриваюсь в её лицо, мимику, взгляд... но упорно не вижу ровным счётом *ни-че-го*. Красивая кукла без каких-либо эмоций. Точка.

Вот только так не бывает. Невозможно жить под маской циничной стервы двадцать четыре на семь. Тем более, и я самолично убедился в этом совсем недавно: вспышки чего-то настоящего у неё имеют место быть. Нужно лишь найти правильные триггеры, чтоб их активировать.

Что ж, будем искать.

— Эй, Ромео и Джульетта! — окликает нас Туз, руша оцепенение, возникшее между нами. Ведь пока я рассматривал Аврору, она с той же въедливостью рассматривала меня. Натуральная невербальная схватка. — Харе сюсюкаться в приличном обществе. Другим завидно.

— Приличное общество — это ты про стриптиз-клуб? — оживая, Белинская как ни в чём не бывало возвращается к своей роли, беззаботно потягиваясь и играя в кокетку.

— Я про себя! **Я** — приличное общество!

— Сказал тот, кто стабильно блюёт после третьей рюмки, — как тут не съехидничать? Старая дружба обязывает.

— А это смотря после чего!

— Да после всего. Тебе пить в принципе нельзя. Не умеешь.

— Тебе тоже нельзя, — тыря мой виски, Аврора осушает его залпом. — Учти, я с тобой теперь в машину не сяду, — предупреждающе грозит она пальцем.

— Ещё как сядешь.

— Обойдусь. Мне оно надо, на столб намотаться?

— Куколка, чтоб намотаться на столб — это я должен быть в дрова. Дровища. Просто поверь.

— Тебе? Да ни за что в жизни.

— Не представляешь, как у нас это взаимно.

— Наконец-то, — перебивает нас Барин, который снова закопался в макбуке, но вовремя вскинул коротко стриженную башку, заметив приближающуюся парочку: девчонку и пацана.

— О, Марьяша, — цыпу сразу узнаю. — Приветствую.

— Привет.

У-у! С какой старательностью та сейчас пытается высверлить Белинскую из пространства. Это и есть пресловутая женская ревность?

— Все не месте? Отлично. Тогда пошли, — Барин встаёт из-за стола, жестом велая ново-прибывшим следовать за ним. Да и нам в тоже.

— Самое интересное начинается, — воодушевляюсь, похлопывая Аврору по пояснице. Ужас как неохота её стогнать с себя, но что делать. — Ты с нами? Или здесь посидишь?

— Куда ты, туда и я, — проворно спрыгивает та с меня, поправляя уползший на бок шов юбки. — *Мой Господин*.

— Чёрт. Мне однозначно нравится эта тема. А давай продлим замут ещё на недельку, а?

— Любой каприз за твои деньги.

— Слышь, друг, — гыкает проходящий мимо Грек. — Она тебя такими темпами досуха вытрясет. Будь осторожнее: финансовые пиявки хлеще энергетических.

— А ты, видимо, привык бюджетно отделяться? — парирует Аврора. — Запомни: дорогие девушки — это и удовольствие дорогое. Не можешь такую потянуть, ищи себе пару на распродажах. В отделе уценёнки.

Туше.

— Пошли, дорогое ты моё удовольствие, — притягивая её за талию, увожу следом за небольшой группой, семенящей следом за Бариним.

Обходим подиум с пилонами и, зайдя за барную стойку, возле которой всегда почему-то царит особый ажиотаж, скрываемся в дебильном лабиринте служебных помещений.

Тут натурально чёрт не только ногу, но и шею сломит — слишком петляющий узкий коридор и непонятно куда ведущие из него резкие повороты. Некоторые заводящие в прямом смысле в тупик. В стену. Если по неопытности забрести сюда без провожатого, заблудиться будет как нехер делать, но мы с пацанами здесь давно как у себя дома, так что проблем не возникает.

Проходим рядом с кухней, провонявшей подгоревшим маслом из фритюрницы, где «великие» повара с Ближнего Востока, побросав тлеющие бычки в банку из-под консервы, торопливо начинают изображать видимость бурной деятельности.

Такие смешные, я не могу. Как переполошились-то при виде начальства, вот только Барин, а именно он, собственно, владелец данного заведения, едва ли вообще их заметил.

Проходим до самого конца коридора, привычно обтекая шатающиеся металлические стеллажи с продуктовыми поставками, где уже нет ни намёка на лоск главного зала. Сплошнякам голый бетон, обколупавшаяся побелка и потрескивающие потолочные лампы советских времён. А, ну и лестница, не видевшая ремонта с момента постройки доходного дома.

Спускаемся по ней вниз, на первый этаж, тормозя возле запертой двери. К этому моменту, конечно, ни музыки, ни шумов с кухни уже не слышно. Ничего не слышно, кроме цокота каблучков девчат.

Проворачивается ключ в замке и оказываемся в личном кабинете Барина. Обустроенного со всеми удобствами, но без понтов. Никакого красного дерева и позолоты — чистейшее бюджетное дээспэ.

— Телефоны выключаем и сюда скидываем, будьте добры, — Туз протягивает Марьяше и поцу, которого я, честно говоря, впервые вижу, так как тот протеже Грека, коробку. Обычную, картонную. В ней, по-моему, какая-то канцелярия раньше была.

— Зачем? — напрягается пацан.

— Правила конфиденциальности, — отзывается Барин, занимая место за рабочим столом, где кроме планшета и пульта от телека ничего не лежит. — Хочу, чтобы разговор остался приватным. Будете уходить, вам всё вернут, не переживайте.

Переживают, ещё как. Но подчиняются.

— Тебя это тоже касается, — шевелю пальцами, подгоняя тормозящую Аврору.

— Даже так? Вообще никаких привилегий?

— Не в этот раз, Рорик.

— Рорик?

— Что, не нравится? По-моему, звучит мило.

— Засунь своё мило себе в задницу, — фыркнув, лезет та в рюкзак за айфоном, выключает его, вручает мне и демонстративно раскидывает руки. — Обыскивать будешь?

Она, конечно, нашла время вбрасывать такие предложения! Я ведь если начну, тормознуть уже не смогу. Я себя знаю.

— Мысленно уже раз пять это сделал.

— Нашёл что-нибудь интересное?

— О, да. Благо тонкие тряпочки, которые ты называешь одеждой, позволяют воображению вдоволь порезвиться.

— Оно и видно. Ширинку топорщащуюся прикрой, — насмешливо чиркая ногтем по моему подбородку, она проходит вглубь, на самом-то деле, достаточно маленького помещения, занимая кошерное замшевое кресло с высоким изголовьем.

С учётом того, что посадочных мест, кроме кожаного стула на колёсах, который «босс» и так уже облюбовал, больше нет, остальным ничего не остаётся, кроме как топтаться стоя.

Правда я всё же проворачиваю ход конём, примостившись на подлокотнике рядом с Белинской. Восседающей с таким видом, будто это не она тут гостя, а все мы заявили к ней без спроса. На аудиенцию с королевой.

— Итак, — откинувшись на «крякнувшую» спинку, Барин наметанным глазом пробегаётся по Марьяне и... безмянному челику. Не особо внушающему надежд, кстати. Выглядит как типичный прилизанный ботан, которого за чем-то оторвали от Доты. И Барин, судя по всему, придерживается того же мнения. — Вы уверены, что готовы вписаться? Развлечение не для малодушных.

— Готовы, — с прямо-таки завидным энтузиазмом рапортует ботан.

— И принимаете все возможные последствия? Физические травмы, психологические. Летальный исход.

— Летальный? — напрягается Марьяша.

— А ты как думала, голубка? Если слишком трясёшься над своим тельцем, выход там же, где и вход. Держать не станем.

— Я думала, это просто игра.

— Игра на деньги. На *большие* деньги. А где крутятся большие деньги, нет места ссыкунам и белоручкам. Я полагал, Артемий обрисовал ситуацию.

Эй, что за наезды такие пошли, я не понял?

— Всё я обрисовал!

— Тогда почему тупые вопросы задаются?

— А я откуда знаю? У неё в это время рот был занят, а не уши.

— Чем занят?

— Мной, естественно.

Марьяша пунцует, Аврора тихо хрюкает от смеха, а Барин... А Барин обречённо закатывает глаза.

— Понятно. Всё, как обычно. Напомни, чтоб я запретил тебе искать игроков среди девушек.

— Чего это?

— Потому что ты их тестишь не тем местом.

— Хрена себе. Не, ты это слышала? — возмущённо пинаю в плечо блондинку.

— А я тут при чём? Я вообще не в курсе, что у вас происходит. Что за игра?

— Голодные игры. Версия двадцать первого века. Со спонсорами, блэкджеком и шлюхами.

— И какой от неё смысл? Тоже напоминание Дистриктам, чтоб не бузили?

— Не, всё куда проще: острые ощущения. Ты же вроде любишь такое.

— Острые ощущения, адреналиновая ломка и деньги. Короче, — Барин лезет в стол, доставая револьвер системы Нагана и шумно высыпает все патроны из барабана на столешницу. — Отборочное испытание: русская рулетка. Шесть пустых камер, в седьмом патрон, — откатившийся к самому краю и в последний момент пойманный, наглядно заправляется обратно в барабан. — Мишень... — взгляд, поблуждав по головам, замирает на мне. Естественно. — Готов попозировать?

— Обижаешь. Всегда готов.

— Ну вот. Мишень — Спиридонов, — барабан прокручивается, спусковой крючок оттягивается, и револьвер кладётся на середину стола. — Кто первым не сдрейфит и выстрелит — автоматически попадает в игру. У вас минута. Время пошло.

Таймер уже начал отсчёт, вот только ничего не происходит. В кабинете воцаряется гробовая тишина, отяжелевшая от липкого страха, перемешанного с недоверием.

— Пятнадцать секунд, — напоминает Барин.

— Не, ну чего вы сыкло-то такое? — даже слезаю со своего насеста, призывно разведя ладони. — Рука, нога, плечо — выбирайте. Или очко у всех жим-жим?

— Это такая шутка? — Марьяша, кажись, готова удариться в истерику.

М-да. Впрочем, с ней всё было понятно с самого начала: единственное опасное, что эта цыпа когда-нибудь держала в своих изнеженных пальчиках — пилочка для ногтей.

А как рвалась, как рвалась! Так рьяно сосала, словно в чемпионате участвовала. А всё для чего? Для того, чтобы заручиться моим покровительством, получив шанс оказаться здесь. Оказалась. И чё?

— Тридцать секунд, — Барин всё больше и больше разочаровывается. — Неужели никто?

Ага. Пацан, ожив, нерешительно тянется к револьверу, замирает в нескольких миллиметрах, набираясь храбрости, и...

Увы.

— Это дикость, — качая головой, отступает он. — Я ответственности за чужую жизнь на себя не повешу.

— Тогда какого хрена ты выполз из своей норы, слабак? — хмыкаю. — Сидел бы в ней дальше, пока мамуля пирожки стряпает и слюни сыночке-корзиночке подтирает.

Грублю, включив мразь, намеренно. Вдруг получится замотивировать. Порой таких нужно лишь слегка расшевелить, а там уже человек сам втягивается, разок прочухав эндорфиновый приход. Однако с этим такой финт не работает. Чтобы кого-то разозлить, надо чтобы этот кто-то хоть какую-то гордость имел.

— Сорок пять секунд.

— Да вырубай таймер, — с досадой отмахиваюсь. — Очевидно же, что партия бракованная. Ещё немного и обосрутся. Сорян, куколка, — прищипнув, киваю Белинской. — Думал, повеселимся, а оказалось, что мы попали на утренник в детском саду.

Аврора ничего не отвечает. Вместо этого поднимается с кресла и подходит к столу, беря револьвер. Взвешивает его, примеряясь, разглядывает.

— Можно я попробую? — спрашивает она у Барина и, получив невербальное разрешение, оборачивается на каблуках ко мне. Прицеливается в грудную клетку, сощутив один глаз, и... нажимает на курок.

Испуганный визг Марьяны и тихий шелчок вернувшегося на место спускового крючка оповещает, что в каморе оказалось пусто.

Ух, пронесло.

— Ну хоть у кого-то есть яйца, — одобрительно аплодирует Барин, когда та с тем же античным спокойствием кладёт оружие на место.

— Не, ну я с тебя валяюсь! — присвистываю то ли с возмущением, то ли с восхищением, чувствуя как по венам с утроенным азартом забурлила кровь. Эффект кратковременный, но охрененный. Стоящий любого риска. — Сразу в сердце? А чего не в голову? Ну чтоб наверняка.

— Ты в претензиях?

— Да не, не в претензиях. Делись: как ощущения?

— А как должно быть?

— Вставило?

— Не особо.

— Серьёзно?

— А что вставлять-то должно?

— Осознание власти над кем-то. По меньшей мере.

— С холостым патроном? Такая себе власть получается.

— Холостым? Уверена?

— Ну не боевой же. Ты, конечно, идиот, но не настолько, чтоб позволить себя нашип-говать.

— Эй, — праведно негодую. — А вот недооценивать меня не стоит! Да будет тебе известно, я мочился на ДПС-ника. За что загремел в обезьянник.

— Зачем?

— Эм... в смысле, зачем? Потому что такую задачу поставили. А я ради бабок и не на такое пойду.

— Так ты тоже играешь?

— Естественно.

— Круто. Значит, ты ещё более долбанутый, чем я думала.

— Да и ты не отстаёшь. Слабо пальнуть ещё раз?

— Ну ты сильно-то судьбу не искушай, бессмертный, — Барин переключает наше внимание обратно на себя, вставая из-за стола. — Неужели так охота в больничке поселиться? Меня другое интересует — ты, голубка, в каких целях подключилась?

Белинская равнодушно надувает и лопаёт жвачный пузырь.

— Хочу в игру.

— Уверена?

— А чего бы и нет? Ему можно, а мне нельзя? — кивает она на меня. — Может, я тоже хочу мочиться на ДПС-ников?

— Ну, такой шанс вряд ли тебе выпадет, но не переживай — задания будут не менее интересные, — Барин подходит ко мне, вручая планшет. — Обрисуй ей правила в общих чертах. Только *нормально*, а не как обычно.

— Понял, понял.

— И компромат подготовь, само собой, — это уже произносится тише. Чтобы слышал только я. — А вы, — обернувшись, он строго зыркает на притихших Марьяшу и поца. — Брысь отсюда. Грек, проводи их на выход. Деткам пора баиньки, «спокойной ночи, малыши» давно закончились.

Из коробки забираются телефоны и кабинет быстро пустеет. Выходят все, включая Туза и самого Барина.

— Закроешь, — последний, выходя, оставляет связку ключей рядом с оставленным револьвером. — Сильно не шалите, голубки. И уберите за собой: гильзы, гондоны, кровь со стен — там уж сами разберётесь, как именно развлекаться надумаете.

— Разберёмся, — откликаюсь уже в пустоту, вводя пароль на планшете и входя в программу. — Ну что, блондинка. Номер телефона в студию.

— Зачем?

— Скину тебе ссылку.

— А на почту нельзя?

— Можно. Но я кину в личку.

— Просто скажи, что хочешь получить мои контакты.

— И это тоже. Буду слать тебе дикпикс¹ и пошлые стикеры перед сном, — разворачиваю к ней экран, кивком указывая, куда забить цифры. Забивает. — И пальчик свой ниже приложи, — прикладывает. — Благодарю. Теперь ты есть в системе, а отпечаток станет твоим личным паролем, когда установишь у себя приложение.

— Как всё серьёзно.

— А ты как хотела? Фирма веников не вяжет.

¹ фото половых органов

— Угу. Фирма делает гробы, — отзывается та, возвращаясь к столу и разглядывая выпанные патроны. — Так настоящие или липа?

— Давай проверим, — подхожу сзади, запуская руки под её подмышками, и вкладываю револьвер обратно ей ладонь. Несподручно, но открываю заглушку и прокручиваю барабан так, чтобы пуля оказалась сверху. Закрываю, оттягиваю спусковой крючок и прицеливаюсь в висящие на стене часы. — Бамс, — надавливаю на её палец, лежащий на курке, и раздаётся не очень громкий хлопок. — А ты говоришь — холостой, — усмехаюсь, оценивая пошедшее трещинами стекло со сквозной дыркой, лишь зацепившей десятку.

Чёрт. Чуть промазал. Целился в сердцевину нуля, но сложно совместить целик с мушкой, когда от женской кожи так вкусно пахнет, а венка на её шее чересчур призывно пульсирует.

— Всё равно подстава, — хмыкает Аврора. — Ты знал, что первый выстрел будет пустым.

— Слушай, натурально обижаешь. В чём тогда удовольствие, если знать наперёд? — скользнув по локтю, спускаюсь ниже, ладонью обводя соблазнительные изгибы талии и замирая на внутренней стороне женского бедра. С радостью пошёл бы дальше, однако предупредительно получаю уткнувшееся в подбородок дуло. — Отвечаю, девушка с пушкой — это чертовски возбуждает.

Щелчок. Какая прелесть, в меня решили напоследок ещё разок шмальнуть. Ради забавы. Что, если честно, капец как заводит. В *такие* ролевые игры я бы с ней поиграл.

— Руками товар не трогать, — строго напоминает Белинская. — Пока не разрешу.

— А когда разрешишь?

— Когда посчитаю нужным, — она проворно выныривает из моих объятий, уходя к креслу за рюкзаком. — Поехали.

— Куда?

— У девочки большие планы на ночь. И ты в них не вписываешься, — подцепляя из коробки одинокий розовый айфон, Аврора выходит из кабинета.

Не, ещё немного и я реально обижусь. Что значит, не вписываюсь? А вот в мои планы она очень даже вписывается!

Интересно, если всё-таки осторожно трахнуть её прямо в тачке, ждать потом заявы? Вряд ли же получится доказать, что это не я озабоченный, а она стерва нарывающаяся?

А то ведь всю обратную дорогу со мной снова играют, выкручивая флирт на максимум, от чего зубная эмаль в крошку сыпется. Настолько сильно стискиваю челюсть.

И ещё сильнее её сжимаю, когда она велит мне свернуть на главную магистраль и ехать в совершенно противоположном от предполагаемого направлении.

— Кто-то не собирается возвращаться в общагу?

— Ты время видел? Коменда уже не пустит.

— Тогда куда мы едем?

— Я же сказала: у меня планы.

Какие — становится почти очевидно, когда мы сворачиваем к частным секторам, в новороченных коттеджах которых обычно селится питерская верхушка.

— У тебя randevu с женатым миллионером? Или с обдолбанным рэп-исполнителем?

Потому что помимо бизнесменов-коррупционеров и налоговиков-взяточников, тут ещё и райский оазис для всякой шушеры вроде звёзд-однодневок, у которых столько недвижимости, что они и сами давно потеряли ей счёт.

Впрочем, ещё остаётся версия, что её мамаша выскочила замуж за местного богатея. Тогда бы, кстати, вопрос с брендовыми шмотками Авроры отпал сам собой.

— Ревнуешь?

Ха. На провокационные вопросы предпочитаю не отвечать. Лучше буду их задавать.

— Ты мне так и не ответила: на тебе есть бельишко?

А в ответ лишь многозначительная усмешка. Ну-ну.

— Следующий поворот направо и тормози.

Ля, ещё и командует!

Она командует, а я... подчиняюсь, тормозя возле кирпичного двухэтажного особняка, скрытого глухими металлическими воротами, находящимися под видеонаблюдением. Белинская проворно выскакивает из машины, направляясь к калитке с сенсорной панелью, но замирает, поймав мой взгляд и...

Дерзко приподнимает подол юбки, выставляя на обозрение едва прикрытые чёрными трусами аппетитные бедра. Ещё и отпихивает зад, давая получше его рассмотреть.

Фа-а-ак!

— В следующую нашу встречу я их с тебя сниму, — бросаю ей, давась от затяжки только-только закуренной сигареты. — Слово даю.

— Посмотрим... *Мой Господин*, — посылает она мне волшебный поцелуй и, набрав код, скрывается за открывшейся с писком калиткой.

Посмотрим-посмотрим. И очень скоро. Нисколько не сомневаюсь, что первое задание ей дадут в ближайшие дни. Спонсоры любят свежее мясо.

Глава пятая. Первое задание

POV БЕЛИНСКАЯ

«Учти, если ты спишь с каким-нибудь богатым мудилой, а мне при этом не даёшь — убью»

О-о! Офигенное, скажу, пожелание «доброго утра» мне прилетело. Часов так шесть назад правда, но в это время я уже видела десятый сон, так что прочитала сообщение только сейчас. И где, спрашивается, обещанные дикпики? Почему вместо них угрозы?

«Кого убьёшь? Соперника?»

«Вас обоих»

«Как страшно», — быстро набираю и отправляю. Подзависаю, а затем добавляю следом. — *«Убьёшь — загремишь на нары».*

«Похрен. Мне нечего терять»,

— высвечивает новое входящее.

Ой ли?

«Поэтому норовишь пораньше сыграть в ящик? Чтоб умереть в расцвете сил: красивым и молодым?»

«Не страшно умереть в расцвете сил. Страшно прожить жизнь, не распробовав её на вкус».

«Как выкрутил-то. Это такой негласный девиз всех самоубийц, или твоя личная запатентованная мудрость?»

«Это данность. Твоя куртка, кстати, у меня в заложниках»

Наивный. Я ж не совсем склеротик, чтоб шмотки везде забывать. Кожанка была специально оставлена на заднем сидении. Как повод держать связь, а то вдруг ветреный кобелёк надумает переключиться на другую? А нам такого не надо.

Я с ним ещё не закончила.

«Блин, точно. А там пропуск остался!»

Бедный пропуск. Скачет туда-сюда, как портовая шлюха, но что поделать: в ход должен идти веский, но при этом не критически необходимый аргумент.

«Если хорошо попросишь, отдам сегодня. Мне забирать тебя оттуда же, где вчера оставил?»

«Зачем меня забирать?»

«В приложение ещё не заглядывала?»

Эм... Сегодня ещё нет. Только перед отбоем его вдоль и поперёк изучила, выпав в осадок от количества треша. Буквально у каждого, кто сидит в этой секте стоит либо справку от психиатра затребовать, либо без разговоров в дурку упекать. Третьего не дано.

«Один момент», — быстро отсылаю Спиридонову и выхожу на главный экран айфона, мазнув по иконке на экране в виде...

Ну, в маленьком варианте это похоже на муху, но судя по названию приложения имелась в виду цикада — весьма мерзкое, кстати, насекомое.

Эти твари роём выбираются из-под земли раз в тринадцать-семнадцать лет исключительно ради того, чтобы спариться, отложить яйца и покошмарить всех отвратительным звуком. После чего благополучно дохнут.

Не знаю, известно ли это основателям программы. Если нет, значит, они идиоты, если да, тогда... Ну, тогда они те ещё юмористы.

Дисплей окрашивается кислотно-зелёным, требуя приложить мой палец для входа в учётную запись. Прикладываю, мне не жалко. Спасибо, хоть не просят отрубить и прислать как сувенир.

Вход совершается без проблем, и картинка меняется на выползающее окошко с уведомлением:

«Рора, первое задание уже ждёт тебя. Нажми «открыть», чтобы запустить таймер отсчёта».

Рора! РОРА, блин!

Этот кретин вбил меня в базу РОРОЙ!

Непременно поругалась бы по этому поводу, если бы не... волновалась.

Чёрт.

Понятия не имею, зачем ввязалась в их тупую игру, ведь по изначальному плану это не задумывалось. То, что произошло вчера в кабинете — чистейшая импровизация. Последствие которой теперь призывно горит на экране, напоминая о себе. Оперативные сволочи. Быстро взяли меня в оборот.

Набрав в грудь побольше воздуха, чтобы сердце не долбило о рёбра так сильно, жму «открыть» и... сдуваясь, издаю нечто среднее между изумлённым писком и смехом самки богомола, подавившейся любовником.

Однако!

«Колись, твоих рук дело?»,

— отправляю Артемию.

«Куколка, если бы это был я, задание звучало бы совсем иначе»,

— почти мгновенно приходит ответ.

Спиридонов, видимо, тоже мониторит обстановку, потому что как только я запустила секундомер, задание отобразилось в общей новостной ленте, высветившись для всех юзеров мигающим уведомлением.

Не знаю, какой гений додумался дать к этим постам доступ на комментирование, но в ветке под моим моментально начинается аншлаг, накручивающий счётчик просмотров.

*«Вы — недотраханые извращенцы.
Порнохаб для кого существует?»*

«Кто, мы? Рорик, к нам вообще никаких претензий. Задания дают спонсоры, они же платят за их выполнение. Как ты там давеча сказала: любой каприз за ваши деньги? Вот и получай каприз»

Да уж. Причём недешёвый такой каприз получается. Если правильно понимаю, пятнашка упадёт на баланс моей учётки, как только задание выполнится и зальётся в этот самый пост видео-подтверждением. Пятнашка за, в общем-то, минутную ерунду...

Звучит заманчиво, хоть и по факту считается копейками. У некоторых активные «процессники» висят аж под сотку, но там и запросы, конечно, в разы неадекватнее.

*«Зачем они это делают?
Какой смысл так сорить деньгами?»*

*«Власть. Абсолютная вла-сть...
читай интонацией Палпатина»*

Высылаю стикер с Дарт Вейдером, давая понять, что отсылку к «Звёздным Войнам» оценила.

«Не, я серьёзно», — продолжает Артемий. — «Думаешь, спонсоры — кто? В большинстве зажавшиеся мажоры, которым нравится чувствовать себя вершителями судеб. Оставшиеся — закомплексованные чмошники, взявшие кредит ради того же самого: желания доминировать. Пусть ненадолго и анонимно, но ведь какая это возможность компенсировать свою ущербность за счёт других! Потому порой и даются совсем упоротые задачи».

Кстати, да. Это я уже и сама оценила, сунув нос везде, где открыт доступ. Даже прошлась по никнеймам других участников, чьи учётки мало отличаются от моих, но самое главное — откопала архив видео с уже выполненными заданиями. И, откровенно говоря, приохренела.

Тут реально ещё не особо ясно, кто больше отбитый: ублюдки с большой фантазией, именующиеся спонсорами, или идиоты, которые подписываются на подобное дерьмо.

Сожрать тарелку живых дождевых червей, м-м? Аппетитно звучит? Я чуть не заблевала экран, когда это воочию увидела, но тут хотя бы особого риска нет. Максимум, что светит отравление и промывание желудка. А вот когда тебе велят поджечь себя и попрыгать живым факелом...

Или прокатиться зацепером на электричке. Или сделать планкинг² в, мягко скажем, не очень безопасном месте, откуда полететь вниз и сломать себе шею как нефиг делать...

И такого добра навалом, одно другого лучше. От чего, признаться, волосы дыбом встают. Особенно когда ты это видишь. Особенно когда видишь то, что, как оказалось, не готова была увидеть...

² Планкинг — флешмоб-занятие, при котором человек лежит на животе (лицом вниз), вытянув руки вдоль тела, в необычных или неожиданных местах. Цель — создать эффектные фотографии или видео, которые затем публикуются в интернете.

«Так во сколько и откуда тебя забирать?»?

— напоминает о себе Спиридонов, но мои пальцы замирают над электронной клавиатурой, реагируя на вежливый стук в дверь.

— Аврора, ты проснулась? — доносится с той стороны. — Уже полдень.

— Проснулась. Сейчас спущусь, — неохотно потягиваюсь, ногой сбивая с себя одеяло. Так-то действительно давно пора вставать.

«Сама доеду, встретимся на месте», — вспомнив, отправляю ответ и, отложив телефон, иду в ванную.

Личную! Расположенную буквально в шаговой доступности. Ту, где не надо стоять в очереди и куда не долбятся ежеминутно, требуя пошевелиться!

Да всё тут шикарно на самом деле: от помпезной спальни с бордовыми стенами, полувинтажной мебелью и отдельной гардеробной, забитой женскими вещами, выкинуть которые у меня так и не поднялась рука, до крытого бассейна с подогревом на первом этаже, но...

Находиться долго в этом доме я не могу. Для меня он был и остаётся чужим. Местом, где тебя не отпускает скованность приблудившейся не к своему стаду овцы.

— Доброе утро, — спустя, наверное, не меньше получаса спускаюсь в столовую, вздохмачивая мокрые после душа волосы.

— Да уж день как, — мирно замечает Борис, попивая кофе за огромным овальным обеденным столом. За таким спокойно уместилось бы человек двенадцать, вот только в данном случае эта махина предназначается лишь для двоих. — Почему не сказала, что приедешь на выходные? Я бы тебя дождался вчера.

— Я не планировала, — сажусь на противоположный конец, втыкая вилку в жидкую глазунью, желток которой с готовностью расплзается по тарелке. — Слегка загуляла и проморгала комендантский час. Пришлось вместо общаги ехать сюда.

— *Пришлось*. Упорно не понимаю, зачем тебе тот клоповник. Это ведь твой дом, и ты в нём полноправная хозяйка.

— Это не мой дом. И ты прекрасно это знаешь.

Хотя хотелось бы, конечно. Один завтрак, вон, чего стоит: всё подано на белоснежной фарфоровой посуде, сервированное по всем правилам и снабжённое серебряными столовыми приборами.

Да я, блин, вшивая аристократка!

Правда заторможенная чутка, раз никак не могу привыкнуть к внезапно обрушившейся на себя роскоши. Нет, несомненно, такие привилегии имеют свои плюсы: вроде солидных карманных и шикарной тачки в личное пользование, оставшейся возле студгородка, но...

Согласитесь, когда все свои подростковые годы живёшь впроголодь, подачки, что кидаются сейчас, воспринимаются, по меньшей мере, с подозрением. Не говоря уж о том, что на подсознательном уровне ты упрямо ждёшь подвоха.

Вдруг тебя одним прекрасным днём обломают и пинком вышибут обратно в разваливающуюся пустую хрущёвку? Такое ведь тоже возможно, а значит, надо быть готовой. Так что, подобно запасливому хомячку, последний год я тайком тащу себе в норку все подаренные мне украшения, дорогие шмотки и лишние деньжата. Откладываю на чёрный день.

— Аврора, — чашка с разочарованным стуком касается блюда, и на меня вскидываются укоряющие глаза-льдинки. Чёрт, аж прям до мурашек пробирает, настолько у них похожий взгляд. — Это твой дом. Всегда им был.

— О, да. Жаль, что почти восемнадцать лет я была не в курсе. Это бы значительно упростило моё существование.

Высокий, коренастый мужчина с всё больше и больше становящимися заметными возрастными залысинами открывает было рот, чтобы сказать то, что я и без него прекрасно знаю, но передумывает. Тоже понимает, что нет смысла повторяться.

— Аврора, я правда очень хочу, чтобы у нас что-то получилось, но если ты и дальше будешь меня отталкивать — ничего не выйдет.

— А надо ли? Отец был мне нужен первые лет так десять. Потом необходимость в нём отпала.

Сколько мук совести в этих нахмурившихся бровях. Понимаю, что для него эта тема болезненная, но... А для меня разве нет?

— Ты ведь знаешь, что от меня это никак не зависело. Твоя мама...

— Мама всего лишь вычеркнула тебя из свидетельства о рождении. Ты же вычеркнул и её, и нас из своего мира. На долгие-долгие годы. Ты вообще хоть раз задумывался о том, что где-то по миру могут бродить твои шустрые сперматозоиды?

— Аврора...

— Что, Аврора? Ты бы и не чухнулся, если бы не пришлось оформлять опеку, так что давай не будем разводить эти сопли про отцов и детей, — резко встаю, скрипя ножками стула, хватая тарелку и сок. — Я доем у себя. Спасибо за компанию, Борис.

— Папа.

— Право таковым называться надо заслужить, — холодно бросаю и поднимаюсь обратно вверх, запираясь.

Вот поэтому я и стараюсь как можно реже здесь бывать. Уж лучше в провонявшей хлоркой общаге тухнуть, чем каждый раз мусолить одно и то же. Надеюсь, сегодня успею вернуться туда до отбоя. Правда для этого придётся побыстрее разделаться с первым «заданием».

Взяла, взяла, и... да, тоже взяла. Застёгиваю все внутренние молнии в рюкзаке, «зачпываю» все кнопки, вешаю лямку с металлической вставкой на плечо и, глянув напоследок а высокое зеркало, чтобы удостовериться, что я если не само совершенство, то близка к цели, выхожу из спальни.

Во всём доме, как в лакшери морге — красиво и безмолвно. В коридоре работают реагирующие на движение споты, от чего кажется, что на улице уже давно крошечная ночь, хотя на деле нет ещё и десяти.

Замерев на лестнице, прислушиваюсь, но не улавливаю ни звука. Моих шагов и то почти не слышно благодаря мягкому ковровому покрытию. Не, ну точно как в морге. И так же стерильно, приходящая два раза в неделю уборщица это обеспечивает.

М-да. Вот вы мне скажите: зачем такие хоромы, в которых можно заблудиться, если живёшь один? Ради понтов? Или это отголоски несбывшейся мечты о большой и шумной семье?

Не знаю, да и знать не хочу. В данном случае мне это богемное отшельничество только на руку. Смогу проскользнуть незаметно.

— Далеко собралась?

Ага, разбежалась. Незаметно. Как же.

Борис обнаруживается в гостиной. Интеллигентно проводит свой немногочисленный выходной за чтением перед включённым электрокамином. Широкие французские двери распахнуты настежь, так что мимо никак проскочить не получилось бы.

— На вечеринку.

— Вернёшься?

— Да. Скорее всего.

С учётом того, какой уже сейчас час, в общагу я опять не попаду. Коменда у нас не лютая, но принципиальная. В одиннадцать ворота закрываются, а она становится офлайн, и баста. Не успеаешь — ночуй на улице.

— Хорошо. Может, завтра проведём день вместе? Сходим куда-нибудь?

Он снова за своё?

— Не могу. К лекциям буду готовиться. К тому же я собиралась ещё на кладбище заехать, — предельно корректно соскакиваю, поправляя повязку на голове, фиксирующую выскакивающие из причёски локоны.

Внешне небрежный объёмный пучок на затылке обошёлся мне двумя часами прыганья с плойкой, обожжённым об неё пальцем, половиной флакона лака для волос и дюжиной воткнутых в черепушку шпилек. Вот уж точно красота требует жертв.

— Кладбище? Снова? — мрачнеет Борис. — Тебе не кажется, что ты там слишком часто бываешь?

— А в чём проблема? Там вроде абонемент покупать для посещения не просят. Вход бесплатный.

— Не в этом дело. Не стоит цепляться за мёртвых, ведь твоя жизнь продолжается.

Ничего себе, какие мудрости! Философ, блин, выискался.

— У тебя так точно, — не могу сдержаться от колкости. — Очень удобно, когда помирают те, на кого плевать, да?

— Аврора! — мне что-то ещё хотят сказать, возможно, праведно оскорбиться, но я уже не слушаю. Отмахнувшись, тупо сваливаю, ныряя в надвигающуюся осеннюю ночь.

Ухоженная территория с подстриженным газоном и зоной барбекю возле декоративной живой изгороди тоже в подсветке, так что без проблем добираюсь на каблуках до ворот, за которым терпеливо дожидается заказанное такси.

Успеваю только потянуться к ручке дверцы, когда и меня, и водителя ослепляет вспышка фар.

— Эй, девушка, — из джипа, так удачно притаившегося в тени кустов диких роз, выпрыгивает фигура Спиридонова. — Вашей маме зять не нужен?

Ха-ха. Какая удачная шутка. Оборжаться можно.

— Моей матери уже ничего не нужно.

— Печалька, — равнодушно перекачивает тот зажжённую сигарету из одного угла рта в другой. — А вот мне нужно. Садись, подвезу, — выразительно киваю на такси. — Да нахер оно тебе сдалось, когда есть я? Давай, куколка. Не артачься. Я тебя тут битые два часа жду.

Ого, а это уже заявка на серьёзность. Вот так подвиг, вот это настоящий герой! Где мой белый флаг? Пора сдать в плен и подписать акт о безоговорочной капитуляции.

Ладно. Всё это стёб, разумеется. Сдаваться никто не намерен, однако подыграть можно.

— Замотивируй меня, — с вызовом упираю руки в бока.

В полёте, брякнув, что-то сверкает. Чудом умудряюсь поймать перекинутую мне связку ключей.

— Пушу за руль, — криво усмехается Артемий, делая последнюю затяжку и, выпустив в тёмное небо клуб табачного дыма, затаптывает недокуренный окурочок. — Достаточная мотивация?

Такая себе, откровенно говоря, но сойдёт. В конце концов, мне же надо держать его в обороте, а тут и прикладывать усилий не надо — он сам рвётся угодить в капкан. Короче, отпускаю довольного таксиста, которому пришлось заплатить полную стоимость, несмотря на отмену заказа, и перебираюсь в джип.

Машина, кстати, ничего. Массивная, тяжёлая, солидная. С грубыми формами и высоким подъёмом, от чего чувствуешь себя как в танке, возвышаясь над другими.

Обычно в таких случаях напрашивается ехидное замечание про компенсацию мужского достоинства другими габаритами, да вот беда — достоинство Спиридонова я уже успела оценить. И нет, там не нужно что-либо компенсировать.

Правда остаётся другой вариант, из разряда «я диванный психиатр без диплома»: возможно, это замещение чего-то другого, более глобального. Вроде детских комплексов человека, у которого никогда ничего не было.

Если так, то на самом деле, всецело его понимаю. Сама поступаю так же, покуда имеется возможность. Собственно, почему нет?

— Обязана отметить: змей-искуситель из тебя паршивый, — усмехаюсь, отправляя рюкзак в компанию мирно лежащей на заднем сидении косухи и вставляя ключ в замок зажигания.

— Но схема-то рабочая. Ты ж повелась, — резонно замечает тот, занимая место по соседству.

— Только потому что это выгодно *мне*.

— Как и мне, так что один — один, Рорик.

— Ещё раз так назовёшь меня, и я засуну твой кроссовок тебе же в зад.

Ага. Нашла кому угрожать. Психу, который слегка садо-мазо.

— Ро-о-орик.... — склонившись ближе и бесяще растягивая гласную, сладострастно шепчет мне Спиридонов в ухо.

Вот ведь сукин сын!

— Жвачку дать? Воняешь, как пепельница.

— Зато ты очень вкусно пахнешь. Что это, манго? — хорошенько занюхав меня, он довольно откидывается на спинку пассажирского. — И, кстати, если кто что и засунет кому-нибудь в зад, это будет далеко не кроссовок. И уж точно не мой зад. Как смотришь на эксперимент?

— Попробуем только после моего, — подбавляю газу, петляя между частными секторами и выискивая более удобный маршрут для того, чтобы выбраться к КАД.

Задача тем сложнее, что указателей никаких здесь не наткано, а я так-то не местная, и здешние закоулки с поворотами знаю весьма эпизодически.

Пока играю в «Путеводную нить Ариадны», меня открыто разглядывают. Для лучшего обзора развернувшись вполоборота.

— Ты сегодня что-то поскромничала, — прищипывает разочаровано Артемий.

Это он про мой внешний вид? Ну простите. Своих вещей у Бориса я не держу, а второй день надевать одно и то же не хотелось. Пришлось искать то, что завалилось в гардеробной, где выбор весьма и весьма скромный.

Ви никогда не отличалась склонностью к эпатажности. Самое «вызывающее», что я у неё нашла — светлые дранные джинсы и клетчатую рубашку оверсайз. Собственно, это на себя и натянула.

— Не нравится?

— Ну как сказать... Хотелось бы больше зрелищности.

Не отрываясь от вождения, стягиваю с себя расстёгнутую рубашку, отшвыривая scom-канную тряпку Спиридонову.

— Так лучше?

— Однозначно.

Да уж вижу. Глазки так и заблестели при виде атласного укороченного корсета на косточках. Вообще, так-то, эта штучка задумывалась как нижнее белье, но раз уж такое дело...

Едем по вспыхивающей от фонарей и светоотражающих табличек магистрали, утопая в ритме не спешащего засыпать города. Снаружи — накрывающая Питер ночь, из магнитолы, разрывая динамики, долбит включённый мной металл, а салон топит от выбрасывающихся в воздух феромонов.

Брошенные невзначай взгляды, случайные прикосновения, многозначительные улыбки — обоюдный флирт на грани фола. И мне, к слову, нравится это. Та искра, что пробегает между нами, она... вдохновляет.

Вдохновляет, воодушевляет и возбуждает. Подбавляет этакого огонька, заставляя кровь вскипать и клокотать, как беснуется в кастрюле, накрытая крышкой, вода.

Не зря из злополучной троицы я выбрала именно Спиридонова. Он не только выигрывает внешне на фоне Грекова и Тузова, но и обладает таким темпераментом, что заскучать с ним мне однозначно не светит.

Сворачиваем с эстакады в сторону Петергофа, правда до него так и не доезжаем. Тормозим возле проходного пункта, за которым возвышается не так давно выстроенный жилой комплекс — многоэтажный стеклянный аквариум с панорамой на триста шестьдесят градусов. Район мегаэлитный, с пентхаусами, имеющими выходы на крышу, так что не удивительно, что на въезде стоит охрана.

При требовании предъявить разрешение на проезд впадаю в ступор, ведь у меня его, конечно же, нет. На самом деле я даже не знаю, к кому в гости мы припёрлись, но не удивляюсь, когда на подмогу приходит Спиридонов. В отличие от меня прекрасно обо всём осведомленный.

Минуты не проходит, как нас, пробив по здешней базе, спокойно пропускают.

— Что, знакомые? — не могу не полюбопытствовать.

— Нет, конечно. С избалованными мажорами дружбы не вожу. Просто навёл справки. Нам направо, к третьему подъезду.

Направо так направо. Объезжаем облагороженный сквер, сворачивая за угол.

— Зачем нам вообще сюда надо? — найдя ближайшее свободное место, оставляем джип и идём к подъезду. Хотя, наверное, правильно назвать это вестибюлем. В соответствии с уровнем здешней помпезности. — Какая разница, где выполнять задание?

А то ведь и адрес, и время указали.

— Полагаю, потому что непосредственный «заказчик» сейчас там, — Артемий кивает на мигающие цифры спускающегося к нам лифта. — И хочет самолично поглазеть на то, за что платит. Могу его понять. Сам бы поступил так же.

— Странные вы люди, — поправляя воротник накинутой поверх корсета куртки, первой вхожу в распахнувшиеся двери стальной кабины. — Ну закажите вы себе проститутку и наслаждайтесь представлением. Причём не минуту, а целый час.

— Проститутки — это актрисы, — тот тыкает нужную кнопку, отправляя нас вверх. — Вся их напускная похоть дешёвое представление, которое меня лично ни капли не заводит.

— Тяжело, наверное, быть тобой. Как же ты тогда смотришь порнушку? Там ведь тоже всё наигранно.

— Так я её и не смотрю, — саркастически ухмыляется Спиридонов. — Я в ней участвую. Звяк. Прибыли. Десятый этаж.

Ещё раньше, чем лифт нас выплёвывает, становится слышно музыку. И почти сразу понятно, почему — тяжёлая железная дверь с усиленными замками открыта настежь. Заходи, кто хочет.

— Вечер в хату, господа, — первой пересекаю порог, морщась от переизбытка запахов. Тут всё: и пот, и табак, и вонючие вэйпы, и алкоголь. Убийственный для обоняния замес, приправленный духотой и многолюдностью.

Народу реально тьма. Приходится пробираться через толкучку уже с холла, с раздражением отпихивая самых нерасторопных и слушая вслед оскорбления. А я виновата, что просьба подвинуться игнорируется? Вот теперь ходите с мокрыми от разлитой выпивки кляксами на одежде.

Продвигаясь всё глубже: туда, где образовался импровизированный танцпол. Движ явно только набирает обороты, однако многие уже успели скучковаться в группы, оживлённо жестикулируя.

Кто-то успел найти себе пару на ближайшие несколько часов и активно её теперь оприходывает, другие же пока только её ищут, высматривая цель среди призывно изгибающихся в брачном танце тел.

— Выпьём? — подцепляя за горлышки бутылочное пиво, протягивает мне одну Спиридонов.

— Сперва сделаем то, ради чего пришли. У меня осталось полчаса, — прищурившись, активирую зрительный радар. — И кого выбираем? Эту? — киваю на скромного вида брюнетку.

Девчонка из той партии, что топчется в гордом одиночестве, чувствуя себя неловко на подобных вечеринках. Топтаться топчется, правда от скуки не забывает обрывать листья у горшочного фикуса.

Тихони-вандалы обыкновенные — самый опасный вид. Вроде мирные и вежливые, но именно после них на стенах появляются нецензурные послания, а туалеты загаживаются до состояния канализации.

— М-м... — мой «напарник» оценивающе сканирует её. — Не, она стрёмная. Ты достойна лучшего. Может, вон ту шатенку? Она горячая.

— И на охоте. Пасёт пацана в фиолетовой толстовке, не видишь?

— О, точно, — зубами вскрыв крышку, тот размашистыми глотками отпивает прохладное пиво. — Тогда, может, ту рыженькую? Она ничего.

В целом, да. И уже успела где-то наклюкаться. Это читается по покрасневшимся щекам и шальному взгляду, чуть ли не орущему: пока не выветрился градус ишу приключений на свою упрямую!

— Подходит, — лезу в приложение Цикад, вручая Артемию айфон. — Побудешь оператором.

— Какая честь.

— Не запори, а то ремнём отшлёпаю.

— Обещаешь? Учти, от слов не отказываемся!

Тьфу, опять забываю, с кем разговариваю.

— Просто жми на запись, клоун. Я пошла, — не откладывая в долгий ящик, выдвигаюсь к рыжей, замирая напротив неё с милейшей улыбкой. — Скучаешь?

— Немного.

— Хочешь, развеселю? Только, чур, не царапаться, — дальше уже не тяну с пустым трёпом, и выполняю запрошенное каким-то озабоченным идиотом нелепое требование.

Глава шестая. Ход за тобой, неприступная королева

РОВ СПИРИДОНОВ

У-у... Всё, я запал.

И завис.

Выныриваю из своих скабрёзных фантазий лишь когда Белинская, под улюлюканье довольных свидетелей, тоже оценивших перформанс, возвращается ко мне.

— Дико извиняюсь, но у меня встал, — озвучиваю неопровержимый факт, жмакая на большую кнопку «стоп». — Повторить не хочешь? Я готов заплатить ещё столько же сверху.

Потому что *это* было а-а-ахренеть как горячо!

— С тебя хватит и одного раза, — не менее эротично подтирая пальцами размазавшийся на губах блеск, та отбирает свой телефон, проверяя: улетело ли видео в пост с её заданием.

Пф, конечно, улетело.

Программа Цикад выстроена так, что в ней всё делается на автоматике, полностью исключая применение редакторов. Если нажал «плей», то всё — что заснимется, то и уйдёт в базу. Так что попытка заснять ролик у игрока всего одна, от чего некоторые по три-четыре дубля лепят прям в одном и том же видеосе, когда что-то не получается сразу.

— Жаль. Значит, придётся фантазировать с тем, что имеется. Отвечаю, эта короткометражка станет моим любимым кино перед сном.

— Ты же не смотришь порнушку.

— Не смотрю. Но такое грешно не пересматривать.

— Сам себе противоречишь, тебе не кажется? — Рорик вопросительно всплёскивает розовым чехлом с блёстками. — И что дальше? Когда я получу свою награду?

— Когда спонсор подтвердит, что условия выполнены. Индикатор с восклицательным знаком сменится галочкой и честно заработанные пятнадцать штук упадут на счёт.

— И что, они прям станут моими? Можно перевести их на карту и тратить?

— Не совсем. Сперва нужно набрать минимальную сумму для вывода.

Типичная заманиловка. Первые испытания всегда даются лайтовые, чтобы участник вошёл во вкус. Эйфория от собственной смелости и жажда быстрой наживы — всё это медленно, но верно подсаживает на адреналиновую иглу, подстёгивая идти дальше. Поднимая ставки и желая большего.

— Прекрасно, — закатывает та глаза с перламутровой подводкой. — Вот и мелкий шрифт в договоре подъехал. И какой минимум?

— Двести штук.

— Немало.

— Нормально. Задание даётся раз в неделю, каждый раз поднимая ценник. Плюс, у тебя после модерации откроются в добавочной вкладке активные предложения без горящих сроков. Много на них не срубить, максимум пятёрку за каждый, но если заморочиться — меньше чем за месяц можно спокойно набрать нужную сумму.

— И что там за активные предложения такие? Помочиться на ДПСников?

— Не, то было из обязательного. И за что тогда нормально, между прочим, упало. Даже с вычетом штрафа за хулиганство.

— Так ты на это и живёшь? На подачки спонсоров?

— Обижаешь, — свистываю обратно пиво, которое пришлось отставить на период подработки папарацци. — Играю я для души, а основная работа вообще другая.

— Какая?

— Ты не хочешь этого знать, — уклончиво отзываюсь, залпом отпивая добрую треть. — Ну а я не хочу распространяться.

— Да пожалуйста, — Белинская не настаивает. — А если то, что подсунут упоротые спонсоры мне не понравится? Я могу отказаться?

— Можешь. Правда заплатишь неустойку по той же стоимости. Тоже самое, кстати, если провалишь задание.

Что явление довольно частое. Всё же не все тянут.

— Шикарно. А если захочу выйти из игры?

— Запросто. Учётка удаляется, вся сумма на кошельке сгорает.

— В чём подвох?

Умная девочка. Правильные вопросы задаёт.

— Если на этот момент ты в минусе, его придётся погашать уже извне.

— А если не стану?

— Лучше не рискуй. Вряд ли ты обрадуешься коллекторам у себя на пороге. Проще заплатить, чем потом по травмпунктам бегать со сломанной челюстью. Думаешь, для чего контингент отбирается лично? Мы знаем каждого: имя, пароли, явки, адреса.

Должники — это та валюта, что всегда в обороте. Мы таких любим. Прямо-таки обожаем. Игроманы, не знающие слова «стоп» — наш хлеб с маслом.

— И часто коллекторы навешиваются к бывшим участникам?

— Чаше, чем ты думаешь. Поэтому, как показывается практика, уходят единицы. Большинство пытаются отыграться.

— И всё равно попадают в больницу с переломанным позвоночником.

— Не без этого. Тут ведь как в покере — бывает карта идёт удачная и срываешь банк. А бывает так, что раз за разом катастрофически не везёт. Фортуна — дама с характером.

— Ну теперь хоть понятно: для чего вам всё это. Я думала, вы обычные садисты, а вы оказывается ещё хуже — садисты, зарабатывающие на лохах.

— Это бизнес, Рорик. Ничего личного.

Хотя нет, кое-что личное всё же есть. Мы сейчас вот вроде о серьёзных вещах базарим, а я всё равно ежесекундно спотыкаюсь об её охренительное декольте, думая лишь о том, что завидую рыжику, перепавшему столько счастья.

Девчуля та, к слову, в ахере. Так и стоит истуканом, хлопая ресницами и высверливая спину Авроры непониманием, перемешанным со стыдливостью. К подобным авантюрам её нежная психика оказалась, судя по всему, не готова.

Зато моя более чем готова.

Без предисловий притягиваю Белинскую за талию, вынуждая впечататься в себя. Разница в росте у нас небольшая, даже склоняться сильно не приходится, чтобы её приоткрытый рот оказался совсем рядом.

Ля, от неё в натуре охренеть как аппетитно пахнет.

— Слышь, блонди, — провожу кончиком языка по своим губам, представляя, что они её. — Раз уж мы закончили тут шалить, давай рванём куда-нибудь?

— Чтобы пошалить ещё, но уже наедине?

— В идеале.

— М-м... Заманчиво, но, пожалуй, нет.

Как ожидаемо.

— Что так? Мне кажется, я заслужил.

— Заслужил, что?

— Поощрение.

— С чего бы?

— Ну как же? Я щедро позволяю тебе думать, что всё идёт по твоему плану.

Лисий взгляд коварно шурится.

— Какому-такому плану?

— Откуда ж я знаю? У тебя надо спросить. Моё дело лишь делать вид, что я даун и ничего не вижу.

— И зачем ты делаешь вид?

— А почему нет? Ты — огонь, я тоже ничего — мы идеально проведём время. Я даже, так и быть, прощу тебе тачку, но в следующий раз найди всё же другой способ привлечь моё внимание. Без вредительства.

— А будет следующий раз?

— Будет, если не перестанешь крутить хвостом. И, для справки, второй раз меня заинтересовать будет уже куда сложнее.

— Смахивает на угрозу.

— Ой, да какая угроза, Рорик, — ловлю её подбородок, фиксируя так, чтобы зрительный тет-а-тет исключал любые сторонние помехи. — Просто сообщаю, потому что вот честно: мне насрать, какие цели ты преследуешь. Всё, что меня волнует — это динамо. Прелюдия дело хорошее, если не затягивается. А я терпелкой никогда не отличался.

— Значит, будем её тренировать, — мягко высвобождаясь, та преспокойно забирает у меня пиво и, не отрывая от меня взгляда, подносит к губам, вызываясь касаясь кончиком языка горлышка и нарочито медленно облизывая его.

Фак. Все ведь поняли, что она только что сделала? Отзеркалила меня, приправив всё троекратной дозой секса. Играет. Дразнит. Надсмехается.

— Зачем мне терпеть? — резонно замечаю. — Лучше найду кого-нибудь более стоговорчивого, с тобой же мы просто распрощаемся. Дальше будешь плести свои интриги без меня.

А вот теперь это угроза. Которая доходит до получателя, однако женская гордость никогда не позволит безропотно принять поражение.

Сделав несколько небольших глотков, тара возвращается мне, а с изящных девичьих плеч нарочито медленно спадает косуха.

— Посторожи, — с эдаким снисхождением Белинская забрасывает ту на меня, оставаясь в одном своём недобелье. — Я пошла танцевать.

Реально ж пошла!

Поплыла, я бы сказал, виляя бёдрами, в центр гостиной, на лету подхватывая ритм популярного трека с рэпом на куплетах и лиричным скулежом в припеве. Песня отстой, но кому до неё есть дело, когда *так* двигаются?

Пластично, соблазнительно, призывно. Закинув руки за голову, запрокинув затылок, и словно улета в личную нирвану. Ну вот и кто она после этого, а?

Аврора ведь распинается не ради других. Не ради того, чтобы вызывать меня на ревность распаляющимся интересом других парней. На них она и не смотрит.

Нет.

Это представление предназначается исключительно для меня. Этакое невербальное сообщение: *«Куда ты денешься? Ты ведь хочешь меня, а значит будешь послушным и терпеливым ровно столько, сколько я посчитаю необходимым»*.

Ха. Вот уж хрен тебе, стерва! Я тебе зачем-то нужен, так что сама прибежишь. Не настолько ты особенная, чтоб вестись на твои дешёвые уловки.

Смещаю взгляд правее, выцепляя из толпы примеченную ранее шатенку. Фигура, фейс, сиськи — на разок потянет. Выдвигаюсь к ней, тормозя так, чтобы закрыть собой чела, которого та столь усердно пытается подцепить, используя слишком уж ненавязчивый флирт. Такой ненавязчивый, что его толком и не видно.

— Не выйдет, — короткой хлесткой фразой заставляю её полностью сосредоточиться на себе.

— Что не выйдет?

— Сегодня он тебе не светит.

— Потому что...

— Потому что тебя уже присмотрел я.

Ага. Интерес пошёл. Всё правильно: зачем нам журавль в небе, которого ещё не факт, что поймашь этой ночью, когда тут такая синичка нарисовалась? Синичка с наклонностями коршуна.

— А ты можешь предложить что-то интересное? — оценивающе меня просканировав, она меняется по щелчку: без раскачки с равнодушия переходя в боевую позицию тигрицы.

— О, я много чего интересного могу тебе предложить, — допивая залпом пиво, отставляя пустую бутылку в компанию к громоздящемуся на кофейном столике мусору. — Если прямо сейчас начнём, к рассвету, может, и управимся. А, может, и нет, — сбрасываю на диван болтающуюся женскую косуху и с хозяйской деловитостью обхватываю шатенку за талию. — Пошли. Думаю, ещё не все свободные спальни заняли.

— Что, вот так сразу? А как же сперва познакомиться?

Ля, начинается. Терпеть не могу, когда девушки, у которых буквально на лбу читается, что их ноги раздвигаются по требованию без выходных и отпусков, начинают строить из себя недотрог.

— Познакомимся, познакомимся. Бухлишка прихватим с собой и познакомимся. Сперва без одежды, потом с одеждой. Не, наоборот. Хотя... Нормально. В таком порядке даже лучше, — заговаривая зубы, увожу несопротивляющуюся жертву за собой.

На Аврору не оборачиваюсь, однако боковым зрением успеваю убедиться, что мимо неё ничего важного не проскакивает. Та даже танцевать перестаёт, поняв, что главный зритель свалил, так и не досмотрев первый акт.

Теперь ход за тобой, неприступная королева. Не подведи.

За закрытыми дверями одной из многочисленных хозяйских комнат, имеющих в наличии, кстати, весьма неплохие траходромы, сразу перехожу к делу, стягивая с себя свитер. А чего тянуть-то, верно?

— Ну что, знакомиться точно надо? — киваю шатенке. — Я, конечно, не вижу особого смысла, но если прям так нео... — не договариваю, оказываясь поваленным на подушки.

Девчонка проворно осёдлывает меня сверху, с интересом пробегаясь ногтями по занимающей большую часть торса угольно-чёрной татуировке.

Так, у меня два вопроса.

Первый: для чего цену себе набивала, ломаясь? И второй, куда более важный: мать твою, нахрена такие когти лепить?! По деревьям лазить? В носу ковыряться? Замки дверные вскрывать? Смотрится отвратно: словно вместо пальцев кривые спицы.

— Необычно, — выносит она вердикт, слишком много времени потратив на рассматривание тату.

Что, об этом поговорим? Окэ-эй.

— Надо ведь соответствовать имени.

— И что это за имя?

— Реально важно? Мы ж уже вроде определились.

— Ты прав, — та склоняется, щекоча кончиками волос грудь, а проспиртованным дыханием грея кожу на шее.

Ну вот же, совсем другое дело! А то потрепаться ей, видите ли, вздумалось. Я понимаю, что девки это любят, но мне-то нахера трёп с той, что я вижу в первый и последний раз?

К счастью, оперативно переходим к делу. В процесс включаются смелые поцелуи, энтузиазм бывалой потаскухи и вполне себе возбуждающая прелюдия. Не топ, но сойдёт.

Привстаю на локтях, пока об мой пах активно трутся, задирая на себе и без того короткую юбку, когда дверь без стука распахивается. Аврора с невозмутимым видом замирает на пороге, облокотившись об косяк и скрестив на груди руки. Стоит и, склонив голову, смотрит на нас.

Надо же. Пришла даже раньше, чем я думал.

— Здесь занято, — замечает шатенка, неохотно прерываясь.

— Вижу, — хмыкает Белинская. — Ты не отвлекайся, не отвлекайся, милочка. Я пока думаю.

— А чего тут думать? — кивком приглашаю к нам. — Присоединяйся. Меня на обеих хватает.

— Не сомневаюсь. Тебе, насколько могу судить, вообще фиолетово, к кому пристраиваться.

Это была такая попытка меня упрекнуть? Ну, типа — ай.

— А ты у нас, значит, слишком избирательна?

— Скорее, эгоистична. С детства не люблю делиться игрушками, — Рорик медленно подходит ближе, присаживаясь на корточки рядом с нами и запуская руку в карман моих джинс.

— Если ищешь презерватив, он в заднем левом, — замечая, залипая на мельтешащее в прямом доступе декольте, едва ли не умоляющее упасть в него лицом и сделать «бр-р».

— Это вы уж сами как-нибудь, я вам не нянька, — точно целуя меня в нос, она довольно выпрямляется, звеня найденной связкой. — Развлекайтесь, пупсики. Не буду вам мешать. Он, кстати, тоже одиноличник, — это уже Белинская бросает шатенке. — Только о себе думает, так что будь готова. И береги жопец. У него к нему особая нездоровая тяга.

И свалила. Пришла, территорию пометила, указания раздала и свалила. Прихватив мои ключи от тачки. Я бы возмутился, если бы не был так... восхищён.

— Это кто? — сидящая на мне клуша, кажется, решила удариться в ревность.

— М-м... — дверь нам услужливо прикрыли, уходя, но я теперь как дебил таращусь на неё, ловя ещё не до конца растаявшие в памяти флэшбеки Роркиных сисек.

— Твоя девушка? — всё напирают.

— Возможно.

А что, я б не отказался. Белинская лучше любого допинга. Одно её присутствие держит в тонусе, стабильно поставляя в меню дьявольский огонёк из самой преисподней.

— А меня тогда зачем позвал?

— Потому что она пока не даёт, а передёрнуть охота.

— Ну ты и мудака, — шипит та, сердито пихая меня в рёбра. Ау.

— А ты шлюха, и что дальше?

Взвизгнув, с меня злобно спрыгивают, болезненно придавив коленом всё ещё эрегированный член и, поправив сползшую с плеча бретельку, тоже, блин, сваливают.

Не, ну зашибись! Я сегодня трахну хоть кого-то или нет?!

Видимо, нет. В смысле, найти ещё кого-нибудь с похеренными моральными принципами, конечно, можно, тут такого добра навалом, но что-то уже не особо хочется. Запал пропал. Как и, судя по всему, моя машина. Это что ж получается, мне теперь такси вызывать надо?

Ещё немного валяюсь, залипая в новостную ленту, после чего лениво одеваюсь и, освободив комнату для более удачливых, сваливаю к лифту. На подобные вечеринки ходят либо накидаться так, чтоб потом неотложке пришлось тебя откачивать, либо кончить кому-нибудь на лицо — третьего варианта не дано. У меня же по обоим пунктам сегодня жёсткий облом, так что делать тут больше нехер.

Всю хитрожопую сучность Авроры ощущаю в полной мере, когда джип обнаруживается на том же месте, где и был оставлен. Как и саму Белинскую, сидящую на пассажирском с заки-

нутыми на приборную панель ногами. Каблуки стянула, свет в салоне включила и даже спинку сидения назад опустила. Со всеми удобствами расположилась в засаде.

— Что-то ты быстро, — чпокая жвачный пузырь, отрывается та от телефона, когда я грузно падаю на водительское. — Всегда такой скорострел или просто день неудачный?

Ещё и глумится.

— Дуру не гони. Очевидно же, что ничего не было.

— Что так? Неужели я помешала? Прости, не хотела, — сколько фальши в этом певчем голосе. — Если тебя успокоит: она всё равно была так себе. Ты достоин лучшего.

— Я тоже так считаю, — проворачиваю ключ, болтающийся в замке зажигания, и даю по газам, задом выруливая с парковки. — Зря не свалила, пока была возможность.

— Так, может, специально и не свалила, — многозначительно откликается Аврора.

— Знаю. Ты же не любишь делиться игрушками.

Глава седьмая. План «Б»

РОВ СПИРИДОНОВ

— Миленко, — прищипывает Белинская, вылезая из машины и осматриваясь. Хотя чего тут осматриваться? Сосны, сосны, сосны и река с опасным подступом к воде. Что мне только на руку, так как даже в сезон желающих здесь топиться находится немного. — А тут вообще можно... бросать якорь?

— Другим — нет, мне — да.

— Ты привилегированный?

— Я щедрый. Договорился с местной охраной.

— Со снегоуборочной машиной тоже договорился? Зимой не проехать.

Догадываюсь. Навалит снега столько, что только на лыжах проберёшься, а чистить никто, разумеется, не ничего не станет.

— Зимой перееду на стоянку для кемперов.

— А сейчас... как?

— Что, как?

— Как всё работает? Электричество то же.

— Бензогенератор поставил.

— Газ, вода?

— Бак для воды и газовый баллон под капотом в передней части прицепа.

Там же ещё запаса сныкана и привязанные к ней канистры с жидкостями для био-туалета.

— Отопление?

— Обогреватель стоит. Газ жётся, тепло делается — никакой магии.

— А вещи грязные где стираешь?

— В прачечную раз в неделю отвожу.

— Забавно. Дорого обходится обслуживание?

Она так активно интересуется из вежливости, или себе на будущее информацию собирает?

— На самом деле, не особо. Я ведь один.

Не говоря о том, что по большей части чисто приезжаю переночевать. И то, не всегда.

— И как же ты докатился до такой жизни отшельнической? — утопая каблуками в песочной насыпи, Аврора с любопытством бродит возле берега. Высматривая, видимо, лягушек. Которых тут полно, вечерами настоящий концерт устраивают. — Уж кем-кем, а интровертом тебя не назовёшь.

— Интровертом — нет, но уединение я ценю.

А с ним всегда была беда. Что в детдоме, что в общежитии право на личное пространство приходилось выгрызать. Воспиталка часто обзывала меня зверёнышем из-за постоянных склок с ровесниками, но а как по-другому было выжить в озлобленном стаде?

Чтобы не стать неудачником, чья башка навечно пропишется в унитазе, ты становишься той самой мразью, которая заталкивает туда других — таков закон бетонных джунглей.

— Что ж, хоть в чём-то мы похожи.

— У нас куда больше общего, чем ты думаешь, — не могу не заметить. — Осторожно, там спуск-обманка. Кувыркнёшься только так.

— И тогда тебе придётся героически меня ловить. Готов стать доблестным рыцарем?

— Делать мне больше нечего. Сама навернёшься — сама вылезешь, — ставлю закопавшийся колёсами в песке джип на сигналку и ухожу к трейлеру. Специально брал с выдвигающимся козырьком, чтоб во время дождей можно было выйти покурить. — Ты идёшь? — замираю на складной подножке, жестом зазывая в свою обитель.

— Иду, иду, — подтирая с тяжёлых ботинок на высокой платформе прилипшие шмотки грязи, послушно забирается внутрь та. — О, надо же, — хмыкает, скидывая рюкзак и куртку на пустую столешницу, где кроме электрического чайника ничего не стоит. — Я думала, в домах на колёсах теснее. А тут танцевать можно.

— Так давай потанцуем. Предлагаю во-он там, — киваю на незаправленную кровать.

В теории задняя часть трейлера работает как обеденная зона, на ночь же стол опускается вровень с основанием, а диваны разбираются, превращая угол в царское лежбище. Но это в теории. На практике же мне проще пожрать прямо в постели, а после спать на крошках, чем ежедневно играть в дебильный конструктор.

Ну а передняя часть прицепа полностью отдана под кухонную зону и встроенные до потолка шкафы. Мойка, плита, абсорбционный мини-холодильник — ничего лишнего и до всего рукой подать. Идеально.

— Знаешь, однообразие твоих шуток начинает удручать, — привстав на цыпочки, Аврора без разрешения принимается рыскать по верхним полкам, изучая скромное нутро.

Что она там хочет найти? Накопленного за двадцать лет барахла у меня немного, а посуды и того меньше. Одна кружка, две тарелки — всё богатство. А нет, ковшик ещё есть! Не знаю правда — зачем, ни разу пока не пригодился, но есть.

— Так а кто шутит-то? Всё серьёзно, — подхожу сзади, приобняв её за тонкую талию. Натурально тонкую, спокойно ладонями можно обхватить.

— Угу, — оборачиваются она ко мне, тряся пакетиком быстрорастворимого кофе «три в одном». — Ассортимент плачевный.

— Это ты ещё в холодильник не заглядывала.

— А что там?

— Лёд. На завтрак, обед и ужин.

— Святым духом питаешься?

— Доставкой.

— Холостяцкая берлога по всем канонам.

— Минимализм сейчас в моде, — тянусь к поролоновым чашкам, очерчивая контур её груди, толком не прикрытой атласной тканью. — Твоя одежда только это подтверждает.

— Не спорю, — придерживаясь за столешницу, Белинская беспрепятственно позволяет мне пойти ещё дальше: подзависнуть в горячей ложбинке, а оттуда перескочить на шею, подцепляя указательным пальцем очередной ошейник. На этот раз другой: ажурный и с висящим камушком. — Правда в данном случае я огорчена, потому что хочу есть.

— Что ж раньше не сказала? Заехали бы, что-нибудь взяли.

— Тогда не хотела. А теперь хочу.

— И что ты предлагаешь? Чтоб я тебя накормил?

— Не слышал присказку: довольная женщина — сытая женщина?

— Вот тут не соглашусь. Оттраханная женщина тоже, как водится, остаётся довольной.

— И всё же, я бы что-нибудь поела, — она отвлекается на пиликание и, извернувшись, лезет в рюкзак за телефоном, с досадой морща нос. — Что, уже?

— Важные дела?

— Не особо. Где здесь туалет?

— Там, — киваю на слившийся с деревянными панелями выпирающий короб, где заныкался совмещенный санузел.

— Отлично. Сейчас вернусь.

Провожая задумчивым взглядом спрятавшуюся за дверь Аврору. Честно говоря, я бы тоже не отказался чего-нибудь пожрать, так что, в целом, её предложение не лишено смысла.

— Эй, Рорик. Как насчёт вьетнамской кухни? Есть тут неподалёку ресторанчик.

— Превосходно. Хочу Бун Том и Ком Ранг Хай Шанг.

О, а она шарит в теме.

Кстати, у шеколды имеется производственный косяк: нужно прям сильно придавить, чтобы та сработала, а не симитировала «приватность». Фишка, которую знаю только я, так что вломиться без приглашения не составляет особого труда.

Чем, собственно, и пользуюсь.

— Заказ принял. И даже сгонять готов, но вот вопрос: а не пытаешься ли ты от меня отделаться, чтобы под шумок сли... — ожидаю застукать блондинку в любой гипотетически возможной компрометирующей позе, но на деле всё оказывается ещё интереснее. — Хрена себе, какая картинка маслом.

— Заткнись, — шипит та, не оборачиваясь и склонившись над раковиной... со шприцом.

Заткнуться? Да без проблем.

Молча наблюдаю за тем, как короткую иглу втыкивают себе в живот, впрыскивая прозрачное содержимое. Не могу не отметить: проделано всё чисто и быстро. Чувствуется, что на опыте.

Заинтересованно беру с раковины футляр с запасным картриджем. Внешне всё без опознавательных знаков, однако лежащий рядом глюкометр говорит сам за себя.

— Значит, ты диабетик. Давно?

— Давно.

— Сочувствую.

— Себе сочувствуй, — защёлкивая колпачок, Белинская с досадой отбирает у меня футляр, пряча своё добро в недра потайного кармашка рюкзака. — Тебя учили стучаться, прежде чем вламываться, или ты в информационном вакууме рос?

— А что, это была тайна? Ну сорян. Обещаю, буду нем как жмурик.

— Какое благородство, — отпихивая меня плечом, она выныривает из тесного санузла и падает на край кровати, откинув затылок на мягкую спинку. — Так что по поводу вьетнамской кухни?

Это, типа, закрыли тему, да?

— А тебе её можно? Разве вы не сидите на диете, давясь сельдереем и пареной репой?

— Кто рвётся дотянуть до пенсии, наверное, сидит.

— А ты не рвёшься?

— Уже нет. Устала себя ограничивать. Лучше сдохну от жирного и жареного, но хотя бы умру счастливой.

— И сытой.

— И сытой, — Аврора лениво разворачивает в мою сторону голову, взирая исподлобья. — Так что по ужину-то?

— Могу метнуться, коли надо.

— Надо.

— Компанию составишь?

— Нет. Подожду здесь.

— Ждать придётся прилично. Пока приготовится, пока вернусь. Как бы ты не откинулась тут от истощения.

— Не беспокойся. Такой радости я тебе не доставлю, — молча смотрим друг на друга, на что Белинская вопросительно всплёскивает руками. — Ты ещё здесь? Тебе на бензин денег дать или что?

Эвана как она рвётся от меня отделаться.

— Волшебное слово забыла.

Жду очередного ехидства, однако получаю совсем другое.

— *Мой Господин*, ублажи свою рабыню и привези уже что-нибудь, что можно засунуть в глотку, — выдает она с невозмутимым видом, прекрасно осознавая всю двусмысленность предложения.

Кто бы знал, каких усилий мне стоит сейчас не пошутить по поводу того, что именно можно засунуть ей в глотку. Белок же глюкозным торчкам не вреден, да?

— Зафиксируй эту мысль, мы к ней обязательно вернёмся, — давясь смешком, хватаю валяющиеся на кухонной тумбе ключи. — Учти, я тебя запру.

— Чтоб не сбежала?

— Ну а кто тебя знает.

— Естественно, — та демонстративно стаскивает с себя обувку, с ногами забираясь на койку. — Я ж приехала специально для того, чтобы бродить по лесу на ночь глядя. Это у меня такой фетиш, не знал?

Фетиш — не фетиш, но от её смиренности и желания меня поскорее выпроводить за километр разит подвохом. Что не может не настораживать. Проверим теорию?

Усевшись в джип, отъезжаю ровно настолько, чтобы машины было не видно, торможу и возвращаюсь обратно к трейлеру. Но теперь уже пешком. Вероятно, со стороны это смотрится странно, однако я привык полагаться на чуйку. И сейчас она голосит, надрывая связки.

Тихо приставив к холодному корпусу прицепа стоящий под навесом складной стул, забираюсь на него, заглядывая в узкое продолговатое окно.

Ага, что и требовалось доказать!

Я за порог — Белинская в разнос. Уже вовсю пасётся в моём ноутбуке, оставленном на видном месте. Склонилась над монитором и старательно клацает по клавиатуре, пытаюсь разгадать пароль.

Ха, бесполезно. Его даже я не с первого раза правильно набираю, слишком много символов, так что дело гиблое, блондинка. Но ты развлекайся-развлекайся. Не буду мешать.

Спрыгиваю на землю и возвращаюсь к тачке. В которой, сто процентов тоже делался обыск, так как содержимое бардачка заметно перетасовано. Что же ты так старательно пытаешься найти, Рорик? Ты мне скажи, я ж помогу. Мне уже и самому становится интересно.

Размышляя над этим, дальше без остановок доезжаю до небольшого ресторана, расположившегося на первых этажах жилых домов в черте города. Несмотря на то, что вьетнамскую кухню тут готовят далеко не вьетнамцы, а всего лишь товарищи из Киргизии, место пользуется популярностью, так что заказ приходится подождать.

Ну, ждём, что делать. Перекурим пока. Зато у Авроры в запасе полно времени, чтобы устроить шмон. А если ещё и приберётся попутно, вообще цены девчонке не будет.

На всё про всё уходит чуть меньше часа и, вернувшись обратно, намеренно ослепляю поляну фарами да навожу побольше шорохов — чтоб Шерлок Холмс с сиськами успела все улики замести.

— Эй, Рорик. Целуй мне руки и падай в ноги: твой Господин вернулся, готовый спасти тебя от голодной... — шебурша крафтовым пакетом, вваливаюсь в трейлер, озадаченно подвигаясь. — Не, ну нормально, да?

Скинув хавчик на ближайшую горизонтальную поверхность, подхожу к койке, замирая над спящей красавицей, отжавшей единственную подушку. Свернулась клубком, колени к груди поджала и сладко сопит.

Притворяется или реально вырубилась? Походу, второе. Во всяком случае на лапанье и щекотку реагирует лишь ленивым ворчаньем.

Охренеть. И что делать? Будить её?

Перетаскиваю многострадальный стул с улицы и, усевшись напротив, шуршу термо-упаковкой, вскрывая пластиковый контейнер Фо Тай Лан. Когда суп заканчивается, в ход идёт стеклянная лапша. Баночное пиво, купленное попутно в супермаркете, тоже стремительно опустошается, но соня и не думает шевелиться. Походу незапланированное украшение в постели проваливается тут до утра.

Доедаю, скидываю мусор в кучу на столе и, играя уже ненужными деревянными палочками, задумчиво разглядываю свою гостью.

Белинская, Белинская... Кто ж ты такая и что тебе нужно? Какие цели преследуешь, а главное — каким боком к ним причастен я?

Мельком замечаю корпус розового чехла, придавленного женским бедром. У меня, конечно, в отличие от некоторых нет привычки рыться в чужих вещах, но я вроде как пострадавшая сторона, так что имею право.

Осторожно вытаскиваю из-под неё айфон, но увы. На главном экране с нейтральной заставкой, которая вообще ни о чём не говорит, стоит блокировка.

Один — один. Ничья.

Просыпаюсь не сразу. Только когда до мозга доходит, что бесящая вибрация не плод сна, а настойчивая попытка кого-то до меня дозвониться.

— Да, — нашаривая телефон, сонно бурчу в трубку.

— Ты ещё спишь? — режет барабанные перепонки чрезмерно бодрый голос Барина.

— А который час?

— Семь.

— Вечера?

— Утра, дебил.

— Дебил ты. Нормальные люди в семь утра не бывают такими энергичными. Ты хоть ложился?

— Нет.

Понятно. Значит, чем-то закинул. Под допингом всегда энтузиазм прёт.

— А от меня что надо?

— Хотел сообщить, что девчонка твоя всем понравилась. Предложка буквально завалена заявками: выбирай — не хочу.

Лениво приоткрыв один глаз, отмечаю, что Авроры рядом больше не валялось. Свалила? Не. Ботинки на месте, куртка тоже. А из туалета слышен шум льющейся воды.

— Неудивительно.

— И я о том толкую. Вот теперь сижу и думаю: что ей дальше подкинуть?

— Что угодно, лишь бы это не задействовало левых мужиков. Иначе буду гневаться.

— Что я слышу! Неужели это ревность? Наш малыш, наконец-то, на кого-то запал?

— Иди в жопу.

— Не сейчас. У меня ещё полно дел. Мне другое интересно: рычаг давления на неё готов?

— В процессе. Она как чистый лист, мало что толкового можно выудить: ни прошлого, ни настоящего. Приехала недавно, друзей нет, с семьёй тоже мутно.

— Тогда используй план «Б». Он всегда работает без осечек.

— Сомневаюсь, что с ней проканает. Эта девица без комплексов.

— Они все без комплексов, пока не прижмёшь. Так что делай компромат и неси. И дальше копай. Не может человек быть тенью, у всех есть скелеты в шкафу.

— Согласен, — слышу, как перестаёт литься вода. — Всё, я занят. На созвоне, — торопливо отключаюсь, привставая на локтях и оценивая появившуюся Белинскую. Эй, а почему не в полотенце? Ради такого, так и быть, готов своим поделиться. — Всю воду мне перевела?

— Я лишь умылась, жлоб.

— Вижу. И, кстати, удивлён. Ты даже не стрёмная без штукатурки. Ты ведь без неё?

Без неё. Глаза стали менее выразительными и лицо чуть побледнело, но это херня. Порой такие Фредди Крюгеры под слоями краски обнаруживаются, что впору в штаны надевать.

Сомнительный комплимент остаётся без ответа. Вместо этого Аврора переключается на распускание изрядно поехавшей после сна причёски.

Раз шпилька, два, три... Десять...

На пятнадцатой не выдерживаю.

— Ты их из воздуха достаёшь? Зачем столько металлолома на себе носить?

— Красота требует жертв.

— Быть женщиной тяжкий труд?

— Не представляешь какой. И согласишься, это несправедливо. Ведь в животном мире именно самец отвечает за привлечение внимания. Грива льва, хвост павлина, яркий окрас у птиц... — закончив, кудри тщательно взлохмачиваются. — В наших же реалиях всё наоборот: женщины распушивают перья, выют гнёзда, выкладывают у входа цветные камушки и танцуют «цыганочку» с выходом лишь ради того, чтобы быть конкурентоспособными.

— Будем объективны: самкам положено быть убогими, чтоб шхериться от хищников и выносить потомство. Это естественный отбор.

— О чём и речь. У нас тоже работает естественный отбор, только в обратном ключе, — подхватив коробку с так и не тронутым со вчера Ком Ранг Хай Шаном, Белинская садится рядом, распаковывая палочки. — Некрасивым женщинам всегда сложнее: что в карьере, что в любви. И косяки прощают им куда с меньшей охотой, нежели тупеньким, но оттюнингованным.

— Будь спокойна. Тебе точно всё простят.

— Рада слышать, — равнодушно отзывается та, с аппетитом уплетая давно склеившийся рис.

— Холодное же.

— Ну и что? Всё равно съедобно.

— Я тебя, кстати, ночью одеялом накрыл, оценила?

— Оценила. И как храпишь тоже оценила. Это ж просто мрак, провериться у отоларинголога не хочешь?

— Нормально я храплю. Просто кое-кто подушку отжал, а я не привык спать без неё.

— Так обзаведись запасной.

— Зачем? У меня нечасто остаются с ночёвкой.

— А куда ты деваешь своих кулёв? Закапываешь на поляне?

— Домой выпроваживаю.

— Сделал дело — отвали смело?

— Вроде того. Если кто до рассвета когда и подвисает, то только потому что мы в итоге вообще не ложимся.

— Так я сломала систему? — усмехается Аврора, подцепляя креветку и отправляя её в рот.

— Не радуйся, Рорик, — разминая мышцы, встаю с койки и иду к собравшейся свалке на столе. Со стороны будто бы для того, чтобы взять пиво, которое благополучно забыл поставить в холодильник, на деле же незаметно ставлю свой телефон на беззвучный и включаю видеосъёмку. — День только начался и до нового заката ещё ой, как далеко, — ловкими манипуляциями аппарат встаёт между нагромождением пакетов так, что видно только угол камеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.